

Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci
Katedra slavistiky

Problémy překladu neologismů a archaismů z ruštiny do češtiny

(na materiále románu B. Akunina Altyn – Tolobas a jeho českého
překladu Tajemství zlatého Tolobasu)

The problems of translating neologisms and archaisms from Russian to Czech

(based on Boris Akunin's novel "Altyn-Tolobas" and its Czech
translation "Tajemství zlatého Tolobasu")

Diplomová práce

Vypracovala: Olga Rybak
Vedoucí práce: doc. Ludmila Stěpanová, Csc.

2010

Prohlašuji, že jsem tuto diplomovou práci vypracovala samostatně a uvedla v ní všechny použité zdroje.

V Olomouci 16. 12. 2010

.....
podpis

Děkuji moc doc. Ludmile Stěpanové, Csc. za konzultace, rady a připomínky,
které mi během psaní diplomové práce poskytla, a také za trpělivost.

.....
podpis

Введение.....	5
1. Теоретическая часть.....	7
1.1 Активные процессы в современном русском языке.....	7
1.1.1 Активные процессы в лексике.....	7
1.1.2 Активные процессы во фразеологии.....	133
1.2 Древнерусский язык.....	19
1.3 Проблемы перевода.....	26
1.3.1 Общее понятие теории перевода.....	26
1.3.2 Проблемы перевода реалий.....	28
1.3.3 Перевод фразеологизмов.....	36
1.3.4 Перевод архаизмов.....	39
1.4 Биография Бориса Акунина и краткое содержание романа.....	42
2. Практическая часть.....	45
2.1 Способы перевода фразеологизмов.....	45
2.2 Крылатые выражения в романе Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и их перевод на чешский язык.....	50
2.3 Неологизмы в романе Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и их перевод на чешский язык.....	53
2.4 Перевод жаргонизмов.....	59
2.5 Перевод архаизмов.....	63
Заключение.....	70
Библиография.....	77
Интернет-источники:.....	79
Resumé.....	80

Введение

Данная дипломная работа посвящена проблемам перевода новой и архаичной лексики на чешский язык (на материале романа Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и его перевода на чешский язык). Действие книги Б. Акунина происходит в двух разных эпохах – в 20 веке и в эпохе Ивана Грозного, для каждого времени используется язык того времени, поэтому книга дает много интересного материала для исследования новых явлений в современном русском языке, а также для изучения способов передачи архаизмов.

Целью данной работы является описание новой и архаичной лексики и изучение способов ее перевода на чешский язык.

Материал для исследования извлекался из романа Бориса Акунина Алтын-Толобас и его перевода на чешский язык, произведенный переводчицами Властой Тафеловой и Эммой Розгониовой - Tajemství zlatého Tolobasu . К анализу было привлечено 235 слов и выражений, использованных Б. Акуниным в его романе.

Изучение актуальных процессов в современной лингвистике является довольно популярной на сегодняшний день темой, поскольку сама жизнь очень быстро меняется и все эти изменения отражаются в языке. Русский язык в данном случае интересен еще и тем, что с момента перестройки вся общественная и политическая жизнь России очень изменилась, появилась возможность самовыражения, исчезло понятие цензуры и все эти процессы очень ярко отразились в развитии русского языка. Перевод архаичных элементов, в свою очередь, представляет собой значительную трудность при переводе произведений на иностранный язык, поэтому важно показать возможности их перевода.

Данная дипломная работа разделена на две части: практическую и теоретическую. В теоретической части мы опишем известные изменения, произошедшие в русском языке за последние двадцать лет, а в практической

укажем данные изменения на конкретных примерах. Затем следует заключение и резюме.

1. Теоретическая часть

1.1 Активные процессы в современном русском языке

1.1.1 Активные процессы в лексике

Изменения в общественно-политической жизни какого-либо государства отражаются, прежде всего, в языке, поскольку язык находится в постоянной связи с обществом. Данный процесс можно было наблюдать в начале 90-х годов в России и в бывших странах Советского Союза, когда смена политического курса и системы власти привели к реформе образования и изменениям в функционировании русского языка.

Однако современные лингвисты считают, что это не единичный случай в истории русского языка. Подобные явления наблюдались и во второй половине XIX века, когда процесс изменения лексического состава языка был вызван «развитием общественной мысли» (Валгина 2003 : 96). В тот момент Россия менялась, нарастал дух революционного движения, вместе с которым происходили социально-политические реформы, возрастал уровень образования, развивалась литературно-критическая деятельность, а также различные науки (естественные: химия, математика; гуманитарные: философия). Все это отражалось на лексическом составе языка, который расширялся и преобразовывался, в результате чего возрастала необходимость издания новых семантических словарей и терминологических справочников. Объяснению новых слов также способствовали теоретические и художественные труды великих русских ученых-теоретиков той эпохи А.И. Герцена, М.Е. Салтыкова-Щедрани, В.Г. Белинского. Они неоднократно включали новые языковые явления в содержание своих произведений, тем самым расширяя их литературное употребление.

Как пишет Валгина, «широкое распространение получили, например, иноязычные термины *идеализм, материализм, эклектизм, диалектический, абстракция*. Но сфера их употребления значительно расширяется и выходит

за пределы философских сочинений, что означает, что термины осваиваются общелитературным языком» (Валгина 2003 : 98).

Отголосок изменений в языке во второй половине XIX века можно до сих пор наблюдать в современной лексике, например, в случае употребления в общелитературном языке химических терминов. Такие слова, как *элемент*, *реакция*, *синтез* до сих пор употребляются в речи и имеют характерный оттенок научного стиля.

Однако в современном словарном составе лексики можно наблюдать и иные явления. Например, в русский язык вернулись некоторые лексемы, которые в период советской власти имели негативную семантику, а это уже отголосок тех политических изменений современной жизни, о которых писалось выше. Таковой стала лексика, относящаяся к государственной и социальной системе, а также системе образования, которая, как когда-то считалось, отражала реалии отжившего буржуазного строя: *губернатор*, *департамент*, *гимназия*, *лицей*, *коммерсант*. Все это произошло в результате изменений жизни российского общества, причиной чего стала коренная смена власти.

В 1985 году к власти пришел первый и последний президент Советского Союза Михаил Горбачев, который принес с собой различные экономические, политические и общественные реформы. В результате этого жёсткая политическая система страны стала намного либеральнее и свободнее, а вместе с ней изменились или полностью исчезли определенные социальные ограничения. Появилась гласность, стало возможным свободно выражать свою точку зрения, . Исчезло само понятие *цензура*. Естественно, что все эти общественные процессы и изменения повлияли на общество и его поведение, которое начало себя чувствовать более свободно и стало смелее выражать свои мысли, что, однако, иногда доходило до абсурда. Изменения в публичной риторике можно было наблюдать не только в речи простых людей, но и в выступлениях общественных деятелей, речь которых стала более простонародной. Политики стали использовать неподготовленную речь, стараясь вести живой диалог с народом, в результате чего их заявления начали содержать массу ошибок. В этот

момент лингвисты забили тревогу, опасаясь, что русский язык придёт в упадок, что его литературность и богатство безвозвратно исчезнут. Впоследствии было доказано, что такое явление является нормальным для языка, которому необходимо периодически меняться и пополнять свой словарный запас за счет новых слов и явлений.

Какие же новшества произошли в лексике русского языка в результате политических и экономических изменений в жизни российского общества? Прежде всего, изменения отразились на лексике советской эпохи, произошедшей в результате исчезновения советских реалий, например, *партийный билет, великие стройки коммунизма*. Для населения страны данные лексемы остались пережитком прошлого, место которых заняли новые реалии, соответствующие новой общественной жизни и новой эпохе: *предприниматель, приватизация, дикий капитализм, новые русские*. Появление новых слов и выражений не всегда воспринималось обществом положительно. Старшее поколение никак не могло свыкнуться с мыслью о том, что теперь все дозволено и язык можно использовать, как угодно. Молодое, наоборот, хотело отгородиться от прошлого, в том числе и при помощи новой лексики. Нужно отметить, что в целом речь населения стала намного свежее, ярче, экспрессивнее и богаче.

В языке отразились различные изменения общественной жизни, прежде всего, социальные, то есть разделение общества на две категории: богатых и бедных. Кроме этого произошли еще изменения экономические: социализм сменился на капитализм, появилось такое понятие как рыночная экономика, которая потребовала многих преобразований в политической и экономической системах, а вместе с тем и появления их названий. Поскольку капитализм был явлением западного мира, то и названия были заимствованы из западно-европейских языков, прежде всего, из английского: *маркетинг* (продвижение товара на рынке), *менеджмент* (управление), *лизинг* (арендная сдача с выкупом по мере дохода), *ваучер*, *аудит* (ревизия, контроль). Английский язык приобрёл статус языка международного общения, и такое положение вещей неудивительно, поскольку в наше время английские выражения перенимаются и

употребляются в любой социальной сфере: предпринимательской, технической, бытовой, в сфере искусства. Употребление иностранных слов разделилось на несколько категорий: на **необходимую**, то есть заимствование иностранных слов в результате отсутствия эквивалентов названий новых явлений: *гамбургер*, *компакт-диск*, или в целях экономии: *снайпер* – меткий стрелок; и на **псевдо необходимую** – дань моде, способ привлечь к себе внимание, не думая о том, что засоряется словарный запас и теряется из виду литературный язык, например *все гуд*, *окей*, *плиз*, *хэпи энд*. Данное явление преобладает у молодежи и относится к так называемому **молодежному сленгу**, который является отдельной областью изучения лингвистики.

Сленг разнообразен, но его богатство соответствует разным направлениям и стилям самого молодежного общества, так называемым субкультурам. Представители современного поколения стали пополнять данное языковое явление, прежде всего, с помощью англицизмов, перенимая их в основном из музыкальной индустрии, которая стала широко развиваться в Америке в 50-60 года XX вв. В Советском Союзе это было запрещенное явление, которое изначально стало проникать в русскую поп-культуру в 60-е гг., в период Оттепели, а потом после перестройки. Сегодня музыкальные и молодежные журналы и газеты пестрят различными американизмами типа *сингл* (хит), *бэнд* (музыкальная группа), *ди-джей* (человек, ставящий музыку на дискотеках), *олдовый* (старый), в результате чего с их помощью создается новый языковой стиль, стремящийся отгородиться от разговорного стиля общей массы населения и внести в речь иронично-циничные нотки. Данное заимствование интересует не только лингвистов, но все чаще начинает привлекать к себе внимание и психологов, социологов, культурологов, подчеркивая тем самым повышенный интерес к современному молодежному сленгу и их отличие от бывшего жаргона студентов, школьников, когда, в основном, употреблялись лексемы разговорного и литературного стилей русского языка. Например, *истерика* – студенты исторического факультета, *лопух* – доверчивый человек, часто в результате своей наивности.

Иноязычные слова стали употребляться и в других случаях, например, в рамках процесса вуализации (скрытия) какого-либо негативного явления для общества. «В некоторых ситуациях иноязычное слово (чисто психологически) помогает скрыть негативный или неприемлимый для общества смысл понятия: *педикулез* (вшивость), *гениталии* (половые органы)» (Валгина 2003 : 112).

Однако одним из главных доказательств того, что иноязычное слово вошло в состав заимствующего языка и прочно в нем закрепилось, является его приспособление к семантике родного языка, то есть употребление данной лексемы в других значениях кроме прямого. Например, слово *приоритет*, имеющее главное значение – "первенство в чем-либо", стало употребляться еще в таких значениях, как «1) основная задача, главное направление; 2) главные интересы; 3) коммерческие интересы; 4) преимущество» (Валгина 2003 : 114); или от заимствованного слова образуются новые слова с помощью русской морфологии (то есть с помощью различных суффиксов, префиксов, постфиксов), например, слово *пиар* и образованное от него существительное *пиарщик*.

Кроме того, с процессом либерализации языка все чаще стали встречаться такие слова, как *стагнация* – застой, *конверсия* – преобразование, *транспарентный* – прозрачный. В современном русском языке меняется семантика слов, расширяется их значение, многие лексемы, которые ранее считались разговорными или со сниженной стилистической окраской, сейчас употребляются в общественных местах и в СМИ, по радио, на телевидении. К ним относятся диалектизмы, жаргонизмы, арго.

Важно отметить, что упомянутые выше явления стали проникать в литературную речь в письменном виде именно благодаря средствам массовой коммуникации, а также благодаря политическим и общественным деятелям, которые решили «приблизиться» к народу и начали создавать свою речь в более непринужденном и расслабленном стиле, то есть стали выражаться, как принято в народе, с помощью бранной лексики, которая всем хорошо известна. Лингвист М.А. Грачев, занимающийся изучением арго, выделил несколько причин, в результате которых стало возможным

широкое употребление данных лингвистических явлений: *обособление молодежи от взрослых* – «языковой нигилизм» (Валгина 2003 :123), *социально-политические причины*, а именно войны, революции, перестройка и, как уже говорилось выше, *популяризация нелитературной лексики* с помощью газет и современной беллетристики.

В результате данных явлений многие теряются в значениях и не могут как следует отличить арготизмы от жаргонизмов или сленга. Их значения хорошо описываются в БЭС.

«*Жаргон* – социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией.

Арготизмы – диалект определенной социальной группы (первоначально – воровской язык), создаваемый с целью языкового обособления.

Сленг – 1) то же, что *жаргон*, преимущественно в англоязычных странах; 2) вариант разговорной речи, не совпадающей с нормой литературного языка» (часто используется в интернете при переписке в чатах) (Валгина 2003 : 125).

Ранее данные языковые явления употреблялись лишь в неформальной обстановке, когда разговор велся между близкими людьми. Теперь же они стали частью новых языковых процессов и активно употребляются в общественном лексиконе.

Кроме возвращения старых реалий и употребления жаргонизмов и просторечий в языке произошли также активные процессы в словообразовании. Прежде всего, среди них выделяются: неологизмы, потенциальные слова и окказионализмы.

Неологизмы – это слова, которые в определенный период появляются в языке, называют новые явления и благодаря своему постоянному употреблению становятся полноценными лексемами в заимствующем языке.

Потенциальные слова – «нетрадиционные слова, незакрепленные в языке, но возможные слова, появление которых объясняется потребностью в соответствующем наименовании, например *луноход*» (Валгина 2003 : 137).

Окказиональные слова – это «индивидуальные авторские образования» (Валгина 2003 : 139) в конкретном произведении, которые встречаются только в данной работе.

Словообразование тесно связано со всеми уровнями языка (фонологией, морфологией, синтаксисом), но больше всего оно связано с лексикологией, поскольку непосредственно влияет на образование новых слов. С момента преобразования всего русского языка в процессе словообразования начали также появляться некоторые изменения, как семантические, так и грамматические. Прежде всего, это произошло в результате расширения семантики отдельных слов. Например, такое слово как *челнок*, изначально имевшее значение «деталь ткацкого станка» (Валгина 2003 : 131) и произведенное от него прилагательное *челночный*, стало употребляться еще в значении "перекупщик", поэтому сейчас можно наблюдать за процессом образования новых слов от главного, исходного слова: *челночник, челночица, почелночить* и сочетания прилагательного *челночный* с другими словами: *челночный рынок, челночный маршрут*.

Как уже говорилось выше, за последние двадцать лет произошло немало политических и социальных изменений, которые каким-либо образом отразились в языке. В повседневной речи носители языка склонны их не замечать, для них такие явления являются привычными. Но при подробном изучении и сравнении с прошлыми эпохами можно заметить, что новые процессы в современном русском языке довольно прочно вошли в социальную жизнь и являются отражением поведения и сознания современного русского общества, ставшего также более свободными и либеральным.

1.1.2 Активные процессы во фразеологии

Фразеология – это наука, которая занимается изучением и наблюдением за изменениями фразеологических оборотов, то есть «устойчивых сочетаний слов, аналогичных словам согласно своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных значимых единиц: *поставить на ноги, Без меня меня женили, душой и телом*» (Шанский 1996 : 4). Изучение фразеологизмов способствует их верному применению в речи,

а также играет важную роль в развитии ортологии – науки о правильной речи. Здесь имеется в виду не только семантика фразеологической единицы (далее ФЕ), но и ее качественно-оценочная характеристика, неправильное применение которой может привести к неуместному использованию фразеологизма.

Интерес к фразеологии появился у ученых еще в XVIII веке; уже в то время М.В. Ломоносов при составлении словаря русского литературного языка утверждал, что в данную работу должны войти не только лексемы, но и «речения, идиоматизмы и фразесы, то есть обороты, выражения» (Шанский 1996 : 7). Однако наибольший вклад в изучение ФЕ внес В.В. Виноградов, который первым в 40-х гг. прошлого века разработал синхронную классификацию фразеологизмов согласно их семантической тождественности. Он разделил фразеологизмы на три группы:

- фразеологические сращения – неразделимые словосочетания, значение которых абсолютно не связано с их отдельными компонентами, например, *собаку съест* – разбираться в чем-либо, *как пить дать* - точно;

- фразеологические единства – тоже единицы неделимые, отдельные значения которых однако составляют общий образ фразеологизма, например, *держат камень за пазухой*, то есть затаить на кого-нибудь злобу, *плыть по течению*, то есть жить и действовать пассивно;

- фразеологические сочетания – сочетания с несвободным значением слов, в которых один из компонентов с несвободным значением допускает замену синонимом, например, *закадычный друг*, то есть близкий друг, *белое золото* – хлопок (Степанова, Мокиенко 2008).

Ученые по-разному определяют фразеологизм, однако, традиционно **фразеологической единицей** считается устойчивое сочетание слов, состоящие из двух и более компонентов, каждый из которых имеет свое ударение (то есть нельзя, например считать фразеологизмом сочетание *по нутру*, здесь ударение имеется только у одного из компонентов), семантически целостных, характеризующихся своей устойчивостью и воспроизводимых в речи в готовом виде, то есть они не образуются в момент речи, а уже имеются в наличие словарного запаса языка. «Для них

характерно собственное значение, независимое от значений составляющих их компонентов даже тогда, когда это значение соответствует сумме значений компонентов» (Шанский 1996 : 24). Некоторые фразеологи считали основным качеством ФЕ их метафоричность, однако Шанский, точку зрения которого мы разделяем, не был согласен с подобным заявлением, аргументируя это тем, что метафоричность присуща только фразеологическим единствам. Однако фразеологизмы также характеризуются своей экспрессивностью, то есть «эмотивным отношением субъекта к речи» (Мокиенко, Степанова 2008 : 17). Именно поэтому с началом либерализации языка данные языковые единицы стали широко использоваться в речи.

С изменением лексики русского языка, то есть с процессом его преобразования в результате политических и общественных событий, изменился и состав русской фразеологии, возникла потребность в новых обозначениях. Специфичность фразеологии заключается в том, что в отличие от лексики она дает качественную характеристику новым явлениям и реалиям, не называя их. В некоторых случаях, несмотря на то, что лексические и фразеологические неологизмы совпадают по своей семантике, речь идет об употреблении лексем в виде перифраз (синтактико-семантических фигур, состоящих в замене однословного наименования предмета или действия описательным многословным выражением (интернет-словарь, yandex.ru).

Фразеологические неологизмы делятся на две группы: **семантико-функциональные неологизмы**, то есть такие ФЕ, которые совпадают по своему значению с лексемами и **стилистика-функциональные неологизмы**, то есть те, которые не обозначают новых явлений, а скорее преобразовывают старые ФЕ, например *раскрыть варежку* (раскрыть рот), *коньки отбросить* (умереть), *девушка легкого поведения* (проститутка) и т.д.

Относительно первой группы, а именно семантико-функциональных неологизмов, Мокиенко считает, что такие словосочетания, как *утечка мозгов* или *защита от дурака*, последнее из которых означает «автоматическое предохранительное устройство, ограждающее сложную

техническую систему от не предусмотренных программой действий» (Мокиенко 2003 : 17) подчеркивает в нем больше коннотативные (оценочные) характеристики, чем денотативные (номинационные), поэтому такие сочетания нельзя считать чисто лексическими, потому что они имеют полуфразеологический характер.

Первая группа образовывается с помощью заимствований из иностранных языков, а также с помощью лексических единиц русского языка, прежде всего, из субстандартов; вторая – с помощью восточно-славянских традиций и их «структурно-семантических моделей» (Мокиенко 2003 : 18).

Новые фразеологизмы проникают в речь, прежде всего, с помощью средств массовой информации, а также из сфер общественно-социальной жизни (моды, политики, экономики, спорта), из беллетристики, как отечественной, так и зарубежной.

Фразеологическими неологизмами считаются явления, которые были заново образованы либо преобразованы путем трансформации, либо сочетаются с заимствующими элементами, и которые недавно появились в словарях «Новые языковые явления». Многие из них существовали и перед этим, но в результате цензуры, они не встречались в печати или носили разговорный оттенок.

Лингвисты более всего предпочитают фразеологизмы, заимствованные из других языков: «Это и понятно: «американизация» и «европеизация» Славии оставляет достаточно заметный след и в неологике» (Мокиенко 2003 : 12). Многие фразеологические неологизмы образовывались с помощью заимствования стиля письма иностранной прессы, например *голубые береты*, то есть вооруженные части и подразделения, предоставляемые Совету Безопасности ООН странами-членами этой организации, десантники, или *белая смерть* – сахар, избыточное употребление которого вредно для организма. Фразеологические единицы, образованные на западный манер, употреблялись и ранее при социализме, например *битва за хлеб* (уборочная

кампания), *живое золото* (пушнина), *черное золото* (нефть), но теперь их стали употреблять значительно чаще.

К новым фразеологизмам необходимо также отнести фразеологизм *новые русские*, ставший отдельной реалией эпохи начала 90-х гг. Данный фразеологический элемент образовался в результате процесса калькирования английского словосочетания *New Russians* и обозначает людей нового социального класса, отличающихся исключительным богатством, полной, порой даже ненормированной занятостью, которые причастны к денежным операциям своего государства, не минуя при данных операциях *теневую экономику* (еще один интересный фразеологизм, который обозначает «подпольную или полуполицейскую, находящуюся «в тени», организацию хозяйственной жизни или какой-либо отрасли хозяйственной деятельности (Мокиенко 2003 : 147) .

Новые фразеологизмы появились также в результате развития экономики и политики: *социально-рыночная политика государства, конверсия оборонной промышленности, ваучерная приватизация, социальные отстойники*.

На образование новой фразеологии влияет и метафоризация, например *дикий рынок* (о хаотическом, ничем не регулируемом спекулятивном рынке (Мокиенко 2003 : 100) или *дикий капитализм* (*нов.экон. и публиц. неодоб.* Анархический, неорганизованный, полный беззакония и спекуляции капитализм (Мокиенко 2003 : 40).

Очень много новых фразеологизмов образуется в парламенте; данные языковые явления употребляются политиками, прежде всего, в результате имитации живой, свежей речи, которая обычно характеризуется наличием субстандартов. Поскольку парламентные заседания транслируются по телевидению, то новые ФЕ-неологизмы стремительно попадают в обиходную речь, не обращая внимания на то, что представители российской интеллигенции выступают против данных изменений, опасаясь за будущее русского языка. К политикам, которые активно создавали новые фразеологизмы, прежде всего, относится главный реформатор перестройки М.С. Горбачев, который первым стал употреблять фразеологизм *быть в*

одной лодке, что означает быть причастным к тому, что происходит в политике государства. По данным исследований русских лингвистов, вышеупомянутая перифраза была заимствована из английского языка *to be in the same boat* (буквально *быть в одной лодке*). Однако Горбачев был автором и других фразеологизмов, самым известным из которых считается *процесс пошел*, имея в виду, что процесс перестройки уже начался. Знаменитым стал также «ключевой лозунг выборной программы Б. Ельцина *возрождение России*» (Костомаров 1994 : 145), который впоследствии стал широко употребляться в СМИ и в докладах политиков.

В целом новая фразеология и изменения, произошедшие в ней, довольно сильно повлияла на либерализацию языка, сделав его еще более экспрессивным в отличие от языка предыдущей эпохи.

1.2 Древнерусский язык

В средневековой России главным литературным языком считался церковнославянский. На нем, в основном, писались богослужебные книги, сказания, различная духовная литература, но также и различная светская. Например, вирши, пришедшие в русский древний язык из польского. Распространение западно-европейского влияния на русскую средневековую литературу вместо византийского свидетельствует о том, что в определенный момент начали происходить изменения в основе влияний основных языковых тенденций церковнославянского языка и его внутренней системы. Данные процессы произошли в результате общеевропейского направления.

В XVII в. продолжали существовать два основных центра церковнославянского языка – Москва и Киев. Киев имел такое географическое положение, которое позволяло ему вбирать различные культурные влияния, приходившие со стороны Западной Европы, раньше, чем Москва

В силу истории основное влияние на Украину (в тот момент известная как Юго-Западная Русь) производила Польша, которая вбирала в себя социальное и культурное влияние Европы. Поэтому, что касается языка, главным там считался латинский язык, который был языком административным, научным и церковным. Латинский язык начал проникать в украинский церковнославянский язык посредством польских господ (так называемой шляхты) и принудительной полонизации местного населения, что отразилось и на самом языке Юго-Западной Руси. Например, «появление употребления форм наречия и деепричастия в отличии от церковнославянских (далее ЦС) форм обособленного употребления имен прилагательных и причастий» (Виноградов 1982: 30): *слезен* – вместо *юже твориши слез* «либо типичный элемент латинского языка – междометие (*interjectio*)» (Виноградов 1982: 13). Но этому довольно сильно противостояли книжники-консерваторы, особенно московские. Они считали латинский язык языком варваров, который был чужд русскому

церковнославянскому языку; говорили, что «в латинском языке отсутствуют соответствия основным религиозным понятиям православия, а это явный знак скудности его и убожества» (Виноградов 1982:14). Для них языком-побратимом считался греческий. И они старались как можно активнее бороться за распространение его влияния в обществе. Прежде всего, это происходило с помощью Священного Писания. Христианская вера пришла на Русь из Византии, где литературным языком считался греческий. И чтобы понять и прочесть священные трактаты, богослужебные книги и грамматики, просто необходимо было знать этот язык. Кроме того, ЦС язык и греческий были похожи по форме и графике. В их риторике чувствовалась высота тона, книжность, торжественность. Латинский же напротив имел тенденцию упрощать Писания, что, по их мнению, приводило к обеднению языка. Латинский язык не передавал некоторые церковные реалии. Например, понятие *архимандрит* следовало переводить « «окружными речениями», *иже многим монахам предстательствует* (XV), т. е. кто начальствует над многими монахами» (Виноградов 1982:15), что использовалось в качестве доказательства его несоответствия. Более наглядно мы можем это увидеть на примере «Славесной грамматики» Мелетия Смотрицкого. Именно в его работе преобладает тенденция торжественного стиля, иногда доходящая до абсурдных выдумок – искусственно составленных им слов: («например, пристрастие «еллинистов» к сложным словам типа: *разнопестровидный, разумоподательный*» (Виноградов 1982:17), а также изощренные синтаксические конструкции и запутанные обороты. Однако, не только это хотел показать в своей грамматике Мелетий Смотрицкий. Он также постарался передать сводку основных устоявшихся законов русского церковнославянского языка XVII века, образовавшихся на основе изучения украинского и русского языков, а точнее их основных тенденций того периода, например: «1) более или менее последовательное различие по форме вин. пад. имен существительных одушевленных и неодушевленных в ед. ч. – у слов муж. р., во мн. ч. – у слов муж. и жен. р. 2) образование по образцу греческого языка форм «причастодетия» вроде *читательно*; 3) широкое распространение формы

деепричастия, которое понимается как несклоняемая форма нечленного причастия: *читая, читав, прочитуи, чтюм, чтен, читаем* и пр.; 4) употребление приспособленных к греческому языку форм шести времен, из которых на долю прошедшего времени приходится четыре времени: приходящее – *бих, биен есмь*, прошедшее – *биях, биян есмь* или *бых*, мимшедшее – *биях, биян бивах*, неопределенное – *побих, побиев бых*, и к которым присоединяются такие разновидности русского прошедшего сложного: *чел есмь, читал есмь, читаал есмь, прочел есмь*; 5) употребление шести наклонений: изъявительного, повелительного (*бий, чтю, стюи*), молительного (*услыши, вонми, призри*), сослагательного (*дал бы, аще бы хотел*), подчинительного (*да бую*), неопределенного (*бити, стояти*) и т. п» (Виноградов 1982:16). Данная книга вызвала в Москве широкий интерес, причём как у византийских сторонников, так и у представителей западного направления, что привело к критике со стороны раскольничьих масс, которые упрекали представителей образованного московского общества того времени в том, что «что новое не объявится, за тем и пошли, а старое свое доброе покинув...» (Виноградов 1982:20). В Киеве данная работа не обрела широкой огласки, т. к. в тот момент на территории Украины всю господствовали польская шляхта, а с ними латинский и польский языки.

Как уже упоминалось выше, польский и латинский языки довольно сильно повлияли на украинский ЦС язык, который в свою очередь повлек за собой изменения в ЦС языке русском, так как Москва и Киев всегда имели близкую и дружественную связь. Прежде всего, это отразилось на фонетическом уровне. В некоторых словах поменялось ударение. Например в слове *числитель* ударение перешло на второй слог (по польскому образцу) вместо первого слога, как это было ранее. Также, были отмечены морфологические изменения. Например, в таких префиксах, как *с-* и *со-*, последний из которых обозначает совместное действие или принадлежность к чему-либо общему: *сообщество, соревнование*. Образовывались неологизмы с отвлеченной семантикой. Например, *разум* вместо *знание*, *тело* вместо *плоть* и т. д.

Постепенно греческий язык утратил свое привилегированное место в культурной и литературной сфере ЦС языка и в обществе в целом, место которого занял латинский язык. Это проявилось в литературе, схоластической философии и их переводах. Вместе с литературой на латинском языке пришли в ЦСЯ и такие понятия, как аллегория, отвлеченный символизм, изысканные параллели и сравнения. Несмотря на то, что в тот период ведется открытый бой против загрязнения языка иностранными понятиями, употребляя там только чистый русский язык, стараясь избавиться от полонизмов, украинизмов и латинизмов, что касается фразеологии и риторики – это были нетронутые и всеми почитаемые понятия. « «Символы и эмблематы», приемы каламбурного сочетания придают своеобразный оттенок смысловой игры, риторической изошренности церковнокнижному языку и ломают его семантику, придавая ей светский характер» (Виноградов 1982:32).

Вместе с новыми литературными и языковыми понятиями в русском языке XVII века появились и новые жанры: уже упоминавшийся нами вирш, драма, повесть, которые в основном писались на главном литературном языке средневековой России того времени – церковнославянском.

Однако, наряду с ним был и деловой язык, язык светской письменности, на котором издавались различные документы, приказы, велась переписка и который также использовался в беллетристике, например, при описании путешествий. Деловой язык считался промежуточным между литературным церковнославянским и разговорным языками. Причем, его иногда использовали и в драме наряду с высоким церковнокнижным стилем и варваризмами. Также, следует отметить, что в языке драм XVII века обнаруживалось лексическое и фразеологическое приспособление церковнославянского языка с языком немецким. « «Язык пьес репертуара Грегори не похож на стиль подьячих XVII в.: в них слишком много славянских слов и оборотов, употребленных с толком и кстати». Между тем академик Тихонравов указал, что многие церковнославянизмы этих пьес являются семантическими «германизмами», морфологически точными снимками с немецких слов. Так, например, в

пьесе «Юдифь»: *живо благо* (lebe wohl), *отключити* (aufschliessen) и т. п.» (Виноградов 1982: 37).

Но изменениям подвергся не только язык беллетристики, но и литературный вместе с разговорно-обиходным языками. За поддержание прежней формы ЦСЯ выступали раскольники, защитники старых форм религиозного выражения. Они считали, что если заменить старые выражения и имена новыми, то «искажается внутреннее существо предметов культа и подлинная связь лиц и вещей в мире религиозного созерцания» (Виноградов 1982: 41). Например, Никита Добрынин не соглашался с тем, что изменили слова молитвы *тебе собеседуют звезды* вместо *тебе молятся звезды*. Он не мог понять, как самому Господу Богу могут звезды собеседовать. На что рационалисту-западнику Симеону Полоцкому пришлось против этого выдвинуть символическое объяснение, что это всего лишь метафора и не стоит принимать ее буквально.

Что касается разговорно-обиходной речи, то за первую половину XVII века она значительно изменилась. Мы можем это наблюдать на сравнении переписки царя Алексея Михайловича и Петра Великого. У Петра наблюдаются уже «синтаксические полонизмы (вроде *которая несравненно прибылью нам есть* и т. п.); господствует латинская конструкция с глаголами в конце предложения; чаще заимствованные слова; больше технических выражений» (Виноградов 1982:50). Данные изменения указывают нам на то, что общество быстро развивалось, а с ним и язык. Причем, стиль речи индивида определялся тем, к какому слою общества он относился. Например, речь подьячего приказной избы отличалась от речи денщика или полковника.

Что касается диалектов литературного языка, то главным из них был московский. Естественно, наблюдалось фонетическое влияние и со стороны других языков (например, украинского), но на практике наблюдался говор смешанный. В то время ещё не существовало официально установленного определенного регламентированного произношения.

Тенденция упрощения русского литературного языка продолжалась и в начале XVIII в., но вместе с этим присутствовало и желание создать новые формы выражений, близкие к западно-европейским языкам. Еще на тот момент весомую роль во влиянии на язык имел польский и латинский языки, но постепенно грамотное общество обучалось новым языкам, в частности немецкому, поэтому и влияние перемещалось далее на Запад.

С приходом ко власти Петра Великого в российскую жизнь стали проникать различные переводы. Происходило это по большей части в административной, технической, культурной сфере. Прежде всего, начал подвергаться изменению канцелярский язык. «Под влиянием польского и немецкого языков в русском языке появились такие слова, как: *аудитор, бухгалтер, канцлер* (нем. влияние); *апелляция, апробация, ассигнация, авторизовать, аккредитовать* (пол. влияние)». Также, различные термины, связанные с военным делом. Например, *юнкер, вахтер* (нем. влияние); *шкипер, руль* (англ. влияние). «Любопытно, что обозначения судов, построенных из металла, заимствовано из голландского языка, напротив, терминология деревянных судов – английская. Были случаи, когда старые названия заменялись новыми, например: «*фейерверк – потеха, капитан – сотник, канал – прорыв*» (Виноградов 1982: 60-61). Тем не менее, трудностей у переводчиков не становилось меньше. Вместе с новыми явлениями появлялась и проблема перевода явлений, эквиваленты которых в русском языке просто не существовали. Один переводчик петровской эпохи настолько отчаялся из-за того, что не мог перевести французские технические выражения по садоводству, что покончил жизнь самоубийством. Поэтому возникала потребность в квалифицированных переводчиках. Иногда, авторы переводов прибегали к подробным объяснениям тех заграничных реалий, которые для русского человека были чужды, например, величин меры в Англии.

Кроме того, стоит отметить, что в Московскую Русь стали проникать различные профессиональные названия из просторечий немецкой слободы и юго-западной Руси путем образования различных профессиональных цехов. Представители таких организаций, подавшись в Московскую Русь из

Беларуси, Украины и Германии, принесли с собой новые языковые понятия. Например, «укрепляются такие названия сапожного ремесла: *дратва*, *рашпиль*; терминология слесарного и столярного мастерства: *верстак*, *клапан*; книгопечатное дело: *тередорщик*, печатник, *батырщик*, накладчик краски на литеры» (Виноградов 1982:64).

Кроме того, изменения наблюдаются и в светской литературе. Европеизация общественного быта принесла с собой новые формы обращения и экспрессии. В языке исчезли выражения челобитья, гиперболы и модным стало галантное обращение и поведение. Еще в начале XVIII века чувствуется влияние польского языка, но вместе с ним проникают и лексемы из французского и немецкого языков: *пассаж*, *пардон* (фр. влияние); *покал* (бокал), *позумент* (нем. влияние). Причем, влияние иностранных слов чувствуется и в русской фразеологии того периода: «развиваются новые формы «европейской» фразеологии. Например, на голову побить неприятеля – *aufs Haupt schlagen*» (Виноградов 1982:67). И главное, становится популярным среди дворянства изучать и говорить между собой на иностранном языке. Несмотря на то, что император Петр I ругал своих подчиненных за то, что те перебарщивали с употреблением иностранных слов, он сам не раз в официальных документах употреблял иностранные слова рядом с их русскими эквивалентами.

1.3 Проблемы перевода

1.3.1 Общее понятие теории перевода

Развитие теории перевода как науки, относится к середине 50-х гг. XX века, толчком к чему послужила Вторая мировая война и административные процессы, происходившие после ее завершения, в частности Нюрнбергский процесс – суд над нацистскими военными преступниками, который стал главным источником рождения синхронного перевода. Появления таких международных организации, как ООН, ЮНЕСКО, военно-политических блоков: НАТО, Организация Варшавского договора – способствовало развитию переводческой деятельности, участниками которой изначально становились неподготовленные специалисты-самоучки, ряды которых впоследствии пополняли квалифицированные переводчики. В тот момент начинают практиковаться и первые машинные переводы, основоположником которых стал Джорджтаунский эксперимент в 1954 году.

Начало издаваться много монографий на тему теории перевода, основоположником которой в русском языке стал А.В. Федоров и его работа «Введение в теорию перевода» (1953). Именно он определил данную науку, как неотъемлемую часть лингвистики, поскольку перевод, прежде всего, распространяется на язык и на его главный продукт – текст. Перед этим литературными критиками и писателями, которые сталкивались с данным явлением на конкретном примере, писалось много монографий о переводе. Разумеется, их труды не были так теоретически обоснованы, как в лингвистических манускриптах, но они сумели охватить главный критерий качественного перевода – посмотреть на текст в целом и оценить его с точки зрения семантической и эмоциональной тождественности оригинала и перевода.

Эмоциональная тождественность вызывала немало споров, ведь здесь речь идет, прежде всего, о национальном духе и художественном вдохновении. Если национальный дух еще можно передать, то с художественным вдохновением дело обстоит иначе, ведь даже сам автор не может повторно выдумать и повторить то, что пришло ему в голову в

минуту вдохновения, не говоря уже о переводчике. В результате этого был сделан вывод, что переводящий текст никогда не сможет полностью передать характер текста оригинала, а значит абсолютного перевода не существует. Существует только относительный выбор из тех аналогов, которые имеются в переводящем языке, и зависят они только от личностных качеств и знаний переводчика. Не зря поэтому многие литературные критики оценивали переводчиков и писателей, которые переводили различные тексты, с той же одинаковостью, что и авторов самого оригинала.

Главными категориями теории перевода являются эквивалентность и адекватность.

«Под эквивалентностью в теории перевода следует понимать сохранение *относительного равенства* содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» (Виноградов 2007:19). То есть, эквивалентность – понятие относительное, так как передача информации подлинника на текст перевода ни на каком вышеуказанном уровне не может быть абсолютной, поскольку сам переводчик является индивидуумом и обладает личным восприятием оригинала, отражающимся в тексте перевода. Перевод подлинника также зависит от типа текста (официально-деловой, художественный, публицистический). Их общим критерием является передача смысловой информации подлинника в тексте перевода. Однако, каждый из них отличается набором собственных языковых средств, конкретно отражающихся при переводе.

Эквивалентность бывает:

-*частичной*: семантики двух лексем разных языков совпадают только в одном значении, во втором языке у определенного лексического элемента имеются и другие, дополнительные значения, которые отсутствуют в первом языке, например *характер* и *charakter* (анг.) – *общее значение*: совокупность характерных особенностей; в английском языке имеются дополнительные значения к данной лексеме: свойство, специфичность;

- *пересечение значения*: у обоих языков имеется одно одинаковое значение, но у каждого языка есть еще дополнительные значения, которые у

другого отсутствуют, например *table* (анг.) и *стол*. Их общее значение стол. Далее, *table* также означает: доска, таблица, расписание; русские дополнительные значения: диетический стол, стол находок;

- *недифференцированность значения*: у одного языка имеется общее название для нескольких предметов речи, в отличие от другого, который называет данные два предмета по-разному: *cherry* (анг.) и русские названия 1) *вишня*, 2) *черешня*.

Переводчику следует помнить, что в тексте нельзя менять или уточнять какие-либо лексемы, например, исторические даты, имена лиц, а переводить их так, как указано в оригинале, сохраняя семантику подлинника.

Адекватностью можно считать понятие соразмерного текста, который не превышает и не сокращает размер текста подлинника и который полноценно соответствует ему, как в плане содержания, так и в плане выражения.

1.3.2 Проблемы перевода реалий

Понятие реалии

Реалия от лат. «вещественный», «действительный» обозначает предмет, вещь существующую или существовавшую и связанную с понятием жизнь. Делится на *реалия-предмет* – внеязыковой объект действительности; и *реалия-слово* – представляет собой знак, при помощи которого объект внеязыковой действительности получает название. От терминов реалии отличаются тем, что первые имеют свои эквиваленты и встречаются в быту, а реалии относятся к безэквивалентной лексике и несут в себе характеристику определенной среды. Грань между терминами и реалиями слишком тонка, и много раз одни элементы переходили в другие, например, реалия *ковер-самолет*, от которой позаимствовали название для летающего объекта, стало термином – *самолет*, и в данный момент употребляется в обиходной речи.

Реалии редко являются элементами сниженной лексики, скорее, они относятся к диалекту, поэтому мало известны широким массам читателей,

поскольку исторически и территориально ограничены в употреблении. Не следует забывать о локальных реалиях, которые по форме и выражению выглядят, как обыкновенные русские слова, но имеют немного другое, отличительное значение. Например, у казаков на Кавказе *избушка* обозначала помещение, где хранили и перерабатывали молоко, *няня* – друга, а *закуска* – различные сладкие хлебо-булочные изделия.

Нередко у переводчика возникают проблемы с переводом иноязычных вкраплений, то есть слов, которые имели иностранное происхождение и для самого автора, и которые он оставил в своей работе в первоначальном виде с помощью транслитерации, то есть перемещения формы слова в переводящий язык путем сохранения его формальной стороны. Следует отличать иноязычные вкрапления, которые считаются реалиями, от языка смешанного, как, например, русский употребляют вместе с элементами украинского, что говорит о безграмотности говорящего. Но когда русский, долгое время проживавший за границей, придет домой и начнет употреблять иностранные слова типа: «Пойдем в бистро», это уже можно считать реалией.

Среди большого количества мнений относительно самого значения реалии, больше всего теоретики перевода склоняются к тому, что это номинативная лексическая единица, иногда, целое словосочетание, которое передает точную характеристику той среды и предмета, к которой она относится. При транскрипции реалий в ПЯ (переводящий язык), автор перевода старается сохранить форму исходного слова и максимально приблизить данную лексему к исходному звучанию, однако, при таком выборе перевода, автору следовало бы поставить ударение на слове, чтобы читатель в дальнейшем не совершал ошибок при произношении.

Следует помнить, что иногда от реалии, которая в большинстве своем является существительным, образуются относительные и притяжательные прилагательные, и не всегда они употребляются в прямом значении, например, *копеечный* вместе с прямым значением (стоимостью в одну копейку) имеет еще и переносное, например, *копеечный ум*, то есть мелочно-расчетливый.

При переводе реалий они приобретают определенные морфологические качества переводного языка, например, русского, и имеют определенный род, склонение, или становятся несклоняемыми и являются существительными среднего рода. Данные языковые элементы также могут репродуцироваться, что говорит об их адаптации в переводящем языке, например, слово *ковбой* и образованное от него существительное *ковбойка* (рубашка).

В последнее время в русский язык проникает много иностранных слов, эквивалент которых здесь просто не существует, как например, названия напитков, сферы деятельности. Такие реалии следует отнести к реалиям новым и продолжать их внедрять в ПЯ. Они будут обогащать данный язык и иногда уточнять специфику сказанного, как в случае слова *сервис*. Есть адекватный русский эквивалент для данного слова – *обслуживание*, но не каждое обслуживание можно назвать сервисом.

Как отличить реалию от нереалии? Прежде всего, следует помнить, что содержание реалии тесно связано с предметом, который оно обозначает и с соответствующим национальным колоритом, поэтому, например, слово *пальма*, нельзя считать реалией, поскольку в России в южных областях это дерево тоже может расти искусственно, то есть данная лексема относится к экзотизмам. А вот болгарское слово *бате*, которое, кроме старшего брата, обозначает еще и человека, которого уважают младшие в семье, следует считать реалией и при переводе транслитерировать.

Деление реалий. Реалии делятся на *географические*, которые означают характерный ландшафт для данной местности, метеорологию; *этнографические* – предметы быта (одежда, жилье, мебель), труда (люди труда, орудия труда), искусства (музыка и танцы, музыкальные инструменты) и *общественно-политические* реалии, как, например, административно-территориальные устройства, органы административной власти, общественно-политическая жизнь.

Кроме того, реалии еще делятся на свои и чужие. *Свои* известны читателю по форме слова, их не следует объяснять читателю, *чужие* отличаются формой, лексическими и морфологическими особенностями,

возможностями словообразования и сочетаемостью. К своим относятся *борщ, щи, самовар*; к чужим либо слова кальки, которые образованы от формы ИЯ (исходный язык), например, *ноу-хау*, либо путем транскрипции и транслитерации, например, *брынза, бизнес*.

Реалии связаны с историей, поэтому иногда переводчику достаточно посмотреть на слово, чтобы охарактеризовать его, к какой исторической эпохе оно относится, как например, слово *опричник*, относится к правлению Ивана Грозного, или *губерния*, относится к началу XIX века в России. Реалии также делятся на *знакомые* и *незнакомые*. Это зависит от того, насколько часто данная иноязычная реалия встречается в СМИ, употребляется в речи, в результате чего слово становится частью лексики определенного языка и попадает в его словарный запас. Поэтому знакомые реалии следует называть словарными, а незнакомые – внесловарными.

Перевод реалий

В данном подразделе изначально хочется подчеркнуть, что некоторые лингвисты, а именно Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, называли *реалии фоновыми знаниями*, то есть «общие для участников коммуникации знания (Верещагин, Костомаров 1973:126). Под наиболее важными фоновыми знаниями лингвисты выделяют страноведческие знания, то есть те, которые известны представителям всей нации (факты из истории, названия государственных учреждений, географические, этнографические и фольклорные понятия и т. д.). Это так называемые реалии, которые бывают, согласно Верещагину и Костомарову, либо безэквивалентными, то есть не имеют аналогичного понятия в переводящем языке, либо ассоциативными, то есть выражаются с помощью обычной лексики, имеющей эквиваленты и в переводящем языке, но содержащие в себе определенную национальную ассоциацию, присущую и понятную только такому обществу, язык которого употребляется в языке оригинала текста, то есть выражают определенные понятия, присущие данной нации. Например, названия цветов: зеленый – 1. цвет надежды, символ лучшего будущего (Панама, Чили), 2. символ плодородия, лучшего будущего (Испания); желтый – цвет траура (Испания,

средние века) (Виноградов 2007:112). Как мы видим из примеров, это обыкновенные слова, эквиваленты которых находятся и в других языках, но не всегда их смысл и ассоциация будут понятны читателям перевода. Существует несколько способов передачи ассоциативных реалий, как например, подстрочные комментарии, описательный перевод и различные пояснения, вводимые в переводящий текст (Виноградов 2007:112). В данном случае главная задача переводчика - сохранить общую культурную картину оригинала и передать ее в тексте перевода, чтобы читатель почувствовал и понял всю глубину национального характера текста подлинника. Немаловажную роль, как уже упоминалось выше, в этом играют индивидуальность переводчика и его личные характеристики и знания о культуре и языке текста оригинала.

Что касается безэквивалентной лексики, а именно таких слов, как *борщ, валенки, холодец, студень, квас* – их передают с помощью транскрипции или транслитерации, значения которых вводятся с помощью сносок или объяснений. Но и здесь необходимо присутствие определенного чувства меры, ведь чрезмерное употребление иностранных слов ведет читателя к бесполезным трудностям при чтении произведения.

Далее по Виноградову реалии переводятся с помощью:

- *гипо-гиперонимического* перевода, когда конкретное слово-реалия оригинала переводится с помощью общего (родового) слова в языке перевода, например, экзотическое название рыбы переводится с помощью общего названия рыба. Реже происходит наоборот, когда общее название заменяется конкретным в переводе.

- *уподобления*, которое схоже с предыдущей категорией, разница, однако, состоит в том, что здесь родовое понятие соподчинено с понятием оригинала и нет отношения подчиняющего и подчиненного, «болоче – кегли, бомбачи – шаровары» (Виноградов 2007:119);

- *перифразического* (описательного) перевода, в котором реалия заменяется словом или словосочетанием, объясняющим ее, например «пучеро – похлебка из говядины». Может иногда встречаться и описательный перевод вместе с транслитерацией, например, «Хуана

поставила на стол пучера, похлебку из говядины, и все принялись за еду» (там же);

- *калькирования* – переводчик старается перевести авторские окказионализмы с помощью своих собственных. К ним, прежде всего, относятся «говорящие» имена собственные и пословицы. Например, имена героев из произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души»: Хлестаков, Коробочка.

Согласно Влахову и Флорину переводчик может переводить реалии только двумя способами: либо с помощью транскрипции, либо с помощью перевода. Перевод используется в тех случаях, когда транскрипция нежелательна. Он внедряется в язык:

- путем *неологизмов*, а именно слов калек;

- *освоением*, то есть адаптацией иностранной реалии в родном языке, например *рубль*, *пирожок*, которые почти также переводятся на другие языки;

- с помощью *приблизительного перевода*, который сохраняет содержание, но теряет колорит высказанного, например, *боржом*, *лимонад* – минеральная вода;

- *контекстуальный перевод*, который переводит не дословно, а приблизительно, например: “*Сколько стоит путевка на советский курорт?*” – *How much are accommodations at Soviet health resorts?*” (Влахов, Флорин 1986 : 93).

При выборе средств перевода следует обращать внимание на стиль текста, в котором реалии употребляются, а также на характер реалии. При переводе чужой реалии для текста подлинника, следует ее транскрибировать, поскольку автор оригинала обязательно в тексте объяснит, что означает данный предмет, а при переводе своей реалии для исходящего языка для нее необходимо найти эквивалент в переводящем языке, иначе контекст будет выглядеть ненатурально в тексте перевода.

Перевод имен

К реалиям относятся также имена собственные, которые делятся на **антропонимы**, или имена людей, и **топонимы** – географические названия. Они всегда являются реалиями, так как называют объект, единичный в своем роде и указывающий на собственную локальную и национальную принадлежность.

Данные имена переводятся, в основном, с помощью транскрипции с целью сохранения в тексте их локальной и национальной принадлежности, подразумевающей под собой определенный местный фон. Однако, в силу устоявшейся традиции перевода, иногда, определенные названия топонимов переводятся дословно, при перенесении на переводящий язык их полного значения, например *Елисейские поля*, *площадь Согласия*. Также, в момент перевода следует учитывать временную отнесенность переводного текста, поскольку иногда некоторые названия в прошлом обозначали не только наименование объекта, но и какую-то реалию (фоновое знание), связанную с ним. Например, «*rue des mauvais garçons* – *улица в Париже и когда-то воровской притон, ибо на ней жили воры, грабители и хулиганы и ходить по ней было небезопасно*» (Виноградов 2007: 158). В таком случае переводчику следует прокомментировать под сноской или незаметно в самом тексте вторичное значение данного топонима.

Что касается антропонимов, то в случае, если они употребляются в пейоративном (предвзятом) или положительном значении, их следует переводить с помощью качественного прилагательного. При употреблении в тексте оригинала имени с субъективной оценкой, его следует переводить либо с помощью качественного суффикса, либо также при помощи имен прилагательных. Но иногда иностранное имя с русским суффиксом звучит неправдоподобно, или качественное прилагательное не всегда может раскрыть полный смысл оригинала. В таком случае переводчик переводит данную лексему с помощью компенсации значения, то есть наименование транскрибирует, а необходимый для предложения смысл компенсирует с помощью употребления соседних слов с нужным ему значением.

Что касается **смысловых имен собственных** (наделенных определенным смыслом, прежде всего, в различных сатирических произведениях) или **перефразисных**, то их следует переводить с сохранением смысла, а не с помощью транскрибирования. Например, если произведение оригинала относится к французскому автору, то при переводе значимых имен собственных переводчик старается либо поставить ударение на последний слог (как это принято во французском произношении), либо употребить слова, пришедшие в русский изначально из французского (*рагу, филе, фанфарон*), либо перевести имя или фамилию персонажа дословно, стараясь сохранить «принцип смысловой и звуковой», например, мистер Таунс происходит от слова бить, пороть, переводчик Любимов перевел его на мистер Поркинс» (Виноградов 2007:172).

Иногда перед переводчиком возникает вопрос: переводить значимое имя собственное дословно или оставлять его в первичном виде? Виноградов считает, что если персонаж является центральным, а его имя не несет в себя настолько сильного и глубокого значения, как его личные качества, которые будут раскрыты на протяжении всего произведения, то лучше данное имя транскрибировать. Благодаря такому подходу в русском языке, например, появились такие имена как *Донкихот* и его верный слуга *Санчо Панса*. Следует также учитывать традицию перевода определенного собственного имени, если произведение было переведено на русский язык больше, чем один раз. И не забывать о переводе **аллюзивных имен собственных**, то есть таких, которые несут в себе определенную характеристику на основе национальных, фольклорных знаний, чаще всего заимствованных из различных пословиц. Например, имя персонажа Достоевского князь Мышкин, которое ассоциируется у читателя с поговоркой «беден, как церковная мышь» следует переводить на иностранный язык с помощью аналога, если такой у языка перевода имеется. В случае, если аналога аллюзивного имени собственного у переводящего языка нет, его необходимо транскрибировать, значение которого следует объяснить с помощью комментария под сноской.

1.3.3 Перевод фразеологизмов

Согласно В. С. Виноградову в языке существуют, помимо лексем и свободных сочетаний слов, готовые словосочетания, которые также обогащают словарный состав языка и называются фразеологизмами. Для них, прежде всего, характерны такие признаки, как *устойчивость, воспроизводимость, экспрессивность и семантическая целостность* (Мокиенко, Степанова 2008). Они делятся на **универсальные** и **национальные** фразеологизмы, разница которых состоит в том, что универсальные присущи нескольким языкам сразу, в то время, как национальные типичны для определенного языка, выражая его специфику. Но бывают случаи, когда у национальных фразеологизмов встречаются свои аналоги и в других языках, например, *засучить рукава – vukáset rukávy – dia Armel in die hohe streifen*. Чтобы объяснить такое явление, необходимы более глубокие исследования и знания в области диахронного аспекта языка.

Для перевода вышеуказанных словосочетаний лингвисты и теоретики перевода по-разному решают данный вопрос.

Так например В. С. Виноградов в своей монографии «Перевод» разделяет фразеологизмы на: **лексические** – то есть готовые словосочетания, семантически аналогичные отдельным лексемам, например, *синий чулок, козел отпущения, сматывать удочки и т.д.*; **предикативные** – готовые предложения, в основном, поговорки, пословицы, например: *выбирай жену не в хороводе, а в огороде, лучшие синица в руках, чем журавль в небе*; **компаративные фразеологизмы** – устойчивые сравнительные словосочетания: *красный как рак, свежий как огурчик и т.д.* и в соответствии с вышесказанным делит перевод трех групп фразеологизмов на отдельные пункты.

Так при переводе **лексических фразеологизмов** бывают:

Полные эквиваленты – такие фразеологизмы, аналоги которых по своим семантике, структуре и функции существуют в переводящем языке. При переводе они встречаются мало, в основном, это устойчивые сочетания библейской и мифологической тематики.

Частичные эквиваленты – семантика которых одинакова, но имеются некоторые различия в структуре фразеологизма или имеются некоторые различие и в самом значении.

Однословные частичные эквиваленты фразеологизмов – аналог которых в переводящем языке заменяется простой лексемой.

В. С. Виноградов считает, что несмотря на то, что качественным переводом считается такой, который переведет фразеологизм фразеологизмом, не всегда существуют в языке перевода их аналоги, либо внешний образ фразеологизма не является для автора оригинала настолько важным, как его внутреннее значение, поэтому их можно переводить и с помощью лексем. Также перевод с помощью слова подходит и в случае, когда аналог в переводящем языке существует, но не подходит по своим стилистическим и экспрессивным параметрам. Фразеологизмы, вследствие вышеуказанных причин, могут переводиться с помощью **описания и калькирования**. «Калькирование может оказаться эффективным приемом, когда возникает необходимость передать игру слов оригинала, составляющим элементом которого является фразеологизм рассматриваемого типа» (Виноградов 2007: 191).

Что касается **предикативных фразеологизмов**, то их переводят по-разному, но сперва надо разобраться в самом понимании пословицы.

Пословица – это устойчивое предложение, образованное по определенному образцу, значимая по своей внутренней и внешней формам, что необходимо учитывать переводчику при переводе. Здесь важно передать и смысл, и структуру устойчивого предложения. Пословицы переводятся с помощью:

- **Полного аналога**, когда в переводящем языке есть соответствующие оригиналу пословицы. Это касается, прежде всего, библейской и мифологической тематик.

- **Частичного соответствия**, в случае, когда пословицы исходного и переводящего языков одинаковы по семантике, функции и стилистической окраске, но отличаются по образному содержанию.

- **Калькирования** – данный вид перевода пословиц применяется тогда, когда аналога в переводящем языке не существует и переводчик переводит пословицу дословно, но читатель благодаря контексту понимает, что имеет дело с устойчивым предложением. Однако следует помнить, что если в пословице употреблены выражения либо лексемы, присущие национальному колориту, они переводятся с помощью следующего способа перевода.

- **Псевдопословичные соответствия** применяются в случае отсутствия либо существования неподходящего аналога для пословиц исходного языка, и автор перевода переводит их с сохранением образности и семантики. Новопридуманная пословица должна выглядеть таким образом, чтобы читатель переводящего текста думал, что данная пословица существует и в переводящем языке либо она заимствована из языка оригинала, например, Любимов в «Дон Кихоте» перевел (буквально звучит так: «В прошлогодних гнездах нет птиц нынешнего года») «Новым птицам на старые гнезда не садиться» в значении «К старому возврата больше нет» (Виноградов 2007:195)

- **Пересказ пословицы**, данный тип перевода возникает в случае отсутствия возможности перевода пословицы с помощью калькирования. Естественно, пословица растворяется в контексте и возникают определенные стилистические и информационные потери.

Что касается **компаративных фразеологизмов**, то здесь речь идет об устойчивых сравнениях, сравниваемых с каким-либо объектом или качеством из реальной жизни. Например, *трусливый как заяц*. Следует подчеркнуть, что в таких случаях запятая не ставится и переводятся они либо с помощью аналогов, либо с помощью калькирования, то есть дословно.

Л. Степанова и В.Мокиенко в своей монографии «Русская фразеология для чехов» разделяет способы перевода фразеологических единиц на пять групп:

Полные эквиваленты – это такие фразеологизмы в двух и более языках, которые имеют тождественную структуру, образную основу и

переносное значение. Например, *засучить рукава – vukácet rukávu, глухой как пень – hluchý jako pařez.*

Частичные эквиваленты – которые по тождестве семантики и внутренней форме отличаются одним из компонентов: *от всей души – od srdce, владеть собой – mít nad sebou vládu.*

Относительные эквиваленты – это фразеологизмы с частичной заменой образности при тождестве семантики, например, *похожи как две капли воды – jsou si podobní jako vejce vejci, смотреть как баран на новые ворота – čumět jako tele na nová vrata.*

Фразеологические аналоги – обороты, имеющие разную образность, близкую или достаточно различную структуру, но общее значение и стилистическую тональность. Например, *ездить в Тулу со своим самоваром – nosit dříví do lesa, клевать носом – tlouci špačku.*

Безэквивалентные фразеологизмы – национальные идиомы, которые настолько близко привязаны к своему языку, что отрыв от национальной почвы приводит к их полному разрушению. Например, *свадебный генерал, вешать лапшу на уши.*

1.3.4 Перевод архаизмов

Архаизмы – это устаревшие слова, которые в повседневной современной речи уже не употребляются. Согласно В.С. Виноградову, они делятся на:

Историзмы, то есть слова, которые обозначают исчезнувшие предметы быта, орудия труда, названия людей, например, *прялка, секира, целовальник, стряпчий.*

Собственные архаизмы – устаревшие названия существующих до сих пор понятий, например, *гонитель, врачевание, портмоне, поведать.*

Стилистические архаизмы, то есть так называемые синонимы, которые сосуществуют вместе с современной лексикой русского языка и происхождение которых относится к церковнославянскому языку. Они употребляются для придания речи высокого и торжественного стилей.

Таковыми, например, являются синтаксические пары слов: *брег – берег, персты – пальцы, злато – золото*.

Что касается их перевода, то, прежде всего, переводчику следует понять, какую роль архаизмы играют в тексте оригинала. В случае, если они изначально брались как устаревшие слова, описывающие определенную древнюю эпоху, то и в тексте перевода такие слова должны быть переведены с помощью своих архаизированных эквивалентов. Если же текст относится к классическому произведению, содержание которого предназначалось для современного читателя, перевод также должен быть переведен посредством современной лексики.

Бывает, что произведение, написанное в прошлом, содержит в себе два временных уровня: современный и древний. В таком случае переводчику следует ориентироваться на читателя тем же образом, что и автору оригинала. То есть современную часть переводить актуальной лексикой переводящего языка, а древнюю - с помощью архаизмов. Следует также помнить, что архаизмов не должно быть слишком много в тексте перевода. Они должны лишь приблизить читателя к той эпохе, которая описывается в произведении.

«Временная стилизация – понятие переводческого искусства. Налет архаичности создается умелым, неназойливым, осторожным включением в текст устарелых слов, оборотов и синтаксических конструкций. Переводя старую прозу, следует руководствоваться особым чувством меры, не допуская сплошной архаизации текста, избегая как неоправданного использования архаизмов, так и излишнего осовременивания, неуместной модернизации языка» (Виноградов 2007:144).

Виноградов считает, что лучше всего умению перевода архаизмов следует поучиться у русских писателей исторической прозы. Несмотря на то, что они описывают древние события, авторы произведений используют современный словарный запас языка, приближая читателя к описываемым событиям посредством названий отдельных реалий, предметов быта, относящихся к упоминаемому в тексте историческому периоду.

Как видно из всего вышесказанного, перевод отдельных групп лексем – истинное умение, которое необходимо постоянно развивать и совершенствовать. И только переводчики с врожденным талантом чувства языка и регулярным самообразованием могут создавать действительно качественные литературные переводы.

1.4 Биография Бориса Акунина и краткое содержание романа

Российский писатель, эссеист, литературный переводчик, критик, беллетрист, японист и литературовед Григорий Шалвович Чхартишвили родился 20 мая 1956 года в Тбилиси (Грузия). С 1958 года живет в Москве. Учился в школах № 23 и 36.

Под впечатлением от японского театра Кабуки поступил на историко-филологическое отделение Института стран Азии и Африки МГУ и стал японоведом. Занимался литературным переводом с японского и английского языков. В переводе Чхартишвили изданы японские авторы Юкио Мисима, Кэндзи Маруяма, Ясуси Иноуэ, Масахико Симада, Кобо Абэ, Синьити Хоси, Такэси Кайко, Сёхэй Оока и др.

Б. Акунин стал автором книги «Писатель и самоубийство» (М.: Новое литературное обозрение, 1999), большого числа литературно-критических статей, переводил, помимо японских авторов, известные произведения американской и английской литературы (Корагессана Бойла, Малкольма Брэдбери, Питера Устинова и др.).

Работал заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература» (1999-2000 гг.), главный редактор 20-томной «Антологии японской литературы», председатель правления мегапроекта «Пушкинская библиотека» (Фонд Сороса). В начале октября 2000 года ушел из журнала «Иностранная литература», чтобы заниматься исключительно беллетристикой.

С 1998 года Григорий Чхартишвили пишет художественную прозу под псевдонимом Борис Акунин. Японское слово *акунин*, по словам самого писателя, не имеет адекватного перевода на русский язык. Приблизительно его можно перевести как *злой человек, разбойник, человек, не соблюдающий законов*. Подробнее об этом слове можно узнать в одной из книг Б. Акунина «Алмазная колесница».

Помимо принесших ему известность романов и повестей из серии «Приключения Эраста Фандорина», Акунин создал серии «Приключения сестры Пелагии», «Приключения магистра», «Жанры» и был составителем

сборника наиболее ярких произведений современных западных беллетристов «Лекарство от скуки».

Критические и документальные работы Григорий Чхартишвили публикует под своим настоящим именем.

В 2000 году Б. Акунин был выдвинут на соискание премии «Smirnoff-Букер 2000» за произведение «Коронация», однако в число финалистов не вошел. В сентябре 2000 года на Московской книжной ярмарке был назван российским писателем года. Лауреат премии «Антибукер» за 2000 год за роман «Коронация».

Книги об Эрасте Фандорине вышли в Италии, Франции, Японии и других странах.

Краткое содержание романа «Алтын-Толобас»

Сюжет романа происходит в двух эпохах: современной и древней, эпохе царствования царя Алексея Михайловича. Историческая часть романа описывает интересное и важное для России время. Для жителей российского государства наступал новый период – глобальные перемены в форме устройства государства и его правления.

Историческая картина чередуется с описанием современной России. Все меняется, все тоже подлежит реформам. Но с какой быстротой, с каким беспорядком и хаосом. И этот хаос, царивший как в одну, так и во вторую эпоху, ни одному из наших героев разного времени абсолютно не нравился. Скорее, он приводил в шокирующее состояние при одной только мысли, что такое может быть.

Что касается содержание книги, то речь идет о сокровищах, которые оба героя ищут. Только один становится кладоискателем осознанно, а второй наоборот – абсолютно случайно. Этим осознанным кладоискателем был Николас фон Дорн, молодой историк, приехавший в Москву из Англии для раскрытия семейной тайны. Второй, его предок, Корнелиус фон Дорн, молодой немецкий капитан, которому скучно и голодно было жить в своей Швабии, поэтому захотелось испытать свои силы и отправиться на поиски приключений в «туземскую страну», как называл Россию наш герой. Здесь

его постигают различные жизненные неурядицы и разочарования, сплошной обман и дикость тогдашних российских законов. Но также на его пути встречается большая удача – служить самому царю в полку его правой руки, министра Матвеева Артамона Сергеевича. Тут все и изменилось у фон Дорна. Во-первых, герой влюбился в саму дочь Матвеева, ради которой потом и остался в России, во-вторых, в доме своего начальника на одном из вечеров, которые устраивались только для самым приближенных к семье, Корнелиус познакомился с человеком, поменявшим всю его судьбу, и, как в последствие выяснилось, судьбу его потомка Николаса фон Дорна. Этим человеком оказался аптекарь Адам Вальзер, приехавший к «москвитам» искать сокровища, Либерию Ивана Грозного (библиотека, доставшаяся Ивану IV от его жены, наследницы Византийского трона), которая после одного из московских пожаров где-то затерялась и никто не мог ее найти. Но Вальзер знал, где она находится, и посвятил в свою тайну молодого капитана Фандорина.

2. Практическая часть

2.1 Способы перевода фразеологизмов

В нашей практической части мы перейдем к рассмотрению способов перевода отдельных групп лексем на их конкретных примерах, выбранных из книги-оригинала, на основе которой разработана данная дипломная работа, то есть на основе романа Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и его перевода на чешский язык.

Начнем мы, прежде всего, с рассмотрения фразеологизмов, так как это довольно трудная группа лексики с точки зрения перевода. Во время анализа способов перевода фразеологических единиц текста оригинала и их эквивалентов в тексте перевода в данной работе мы руководствовались классификацией, разработанной лингвистами-фразеологами Людмилой Степановой и Валерием Мокиенко, взятой из их монографии «Русская фразеология для чехов», а именно делением способов перевода фразеологизмов на полные эквиваленты, частичные, относительные эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологизмы. Для того, чтобы было легче ориентироваться при изучении способов их перевода на практике, напомним, что:

Полные эквиваленты - это такие фразеологизмы в двух и более языках, которые имеют тождественную структуру, образную основу и переносное значение;

Частичные эквиваленты – это такие фразеологизмы, которые при тождестве семантики и внутренней форме отличаются одним из компонентов;

Относительные эквиваленты – это фразеологические единицы с частичной заменой образности при тождестве семантики;

Фразеологические аналоги - обороты, имеющие разную образность, близкую или достаточно различную структуру, но одинаковое значение и стилистическую тональность.

Безэквивалентные фразеологизмы - национальные идиомы, которые настолько близко привязаны к своему языку, что отрыв от национальной почвы приводит к их полному разрушению (Мокиенко, Степанова 2008).

Полные эквиваленты фразеологических единиц в оригинале и переводе романа Бориса Акунина «Алтын-Толобас»:

К данной группе слов в оригинале и тексте перевода относятся такие фразеологизмы, как

Вашими молитвами (ст. 258) – *díky vaším modlitbám* (st. 177);
слепой случай (ст. 213) – *slepá náhoda*;
баловень Фортуны (ст. 160) – *miláček štěstěny* (st. 110);
ангел-хранитель (ст. 358) – *anděl strážný* (st. 245);
под ногами не путаться (ст. 141) – *neplet se mi pod nohama* (st. 97);
силовые структуры (ст. 94) – *mocenské struktury* (st. 65);
крыша над головой (ст. 96) – *střecha nad hlavou* (st. 66);
двигался по цыпочках (ст. 239) – *postupoval po špičkách* (st. 164);
делаться белым как мел (ст. 51) – *zbělet jako křídla* (st. 35);
теневая экономика (ст. 130) – *stínová ekonomika* (st. 110).

Ср. контексты:

Николас никогда не видел, чтобы человек моментально *делался белым как мел*. (ст. 51)

Nicholas nikdy neviděl, aby někdo mžiku *zbělel jako křída*. (st. 35)

Фон Дорн *на цыпочках*, придержививая шпагу, *двигался* в кромешной тьме.
(ст. 239)

Von Dorn si přidržoval kord a *po špičkách postupoval* v naprosté tmě dopředu.
(st. 164)

Частичные фразеологические эквиваленты:

Лелеять надежду (ст. 20) – *kojit se nadějí* (st. 15);

Улыбка Фортуны (ст. 33) – *usmála se Fortuna* (st. 23);

Предан как пес (ст. 214) – *je mu psovsky oddán* (st. 147);

Вошел в разум (ст. 26) – *přišel k rozumu* (st. 26);

Так природа захотела (ст. 59) – *příroda to tak zařídila* (st. 59);

Честь по чести (ст. 34) – *všechna čest* (st. 24);

Лежать колодой в чулане (ст. 106) – *ležet jako kláda* (st. 73).

Ср. контексты:

Теперь прямо с утра напивался так, что потом весь день *лежал колодой в чулане*. (ст. 106)

Vždycky se teď už ráno opil tak, že potom celý den *ležel v komoře jako kláda*. (st. 73)

Посол сразу и бумаги выправил на новое звание, с красными сургучными печатями, *честь по чести*. (ст. 34)

Diplomat taky hned vyplnil papíry na nový titul, s červenými pečetěmi, *všechna čest*. (st. 24)

К относительным фразеологическим эквивалентам в данном переводе романа относятся:

Достается на блюдечке (ст. 53) – *dostáváte pod nos* (st. 40);

Остался с носом (ст. 368) – *odtáhne s dlouhým nosem* (st. 251);

Поставить под удар (ст. 245) – *vystavit nebezpečí* (st. 169);

Все сидит сиднем (ст. 276) – *sedí jako přibitý* (st. 190);

Делаю до упора (ст. 195) – *dělám na plný pecky* (st. 133);

Быть в курсу (ст. 8) – *být in* (7);

Тянул солдатскую лямку (ст. 32) – *táhl tu válečnou karu* (st. 22).

Ср. контексты:

И видите, как удачно все получилось. Седой *остался с носом* и при этом без рук: его левая рука, Владимир Иванович Сергеев, отсекала правую руку, нехорошего человека Шурика. (ст. 368)

A vidíte jak nám to báječně klaplo. Iljič *odtáhne s dlouhým nosem* a k tomu bezruký: jeho levá ruka, Vladimír Ivanovič Sergejev mu usekla pravou ruku, darebáka Šurika. (st. 251)

А мерзкий грек все *сидит сиднем*, каждую ночь дома ночует. (ст. 276)

Ale ten zlotřilý Řek *sedí jako přibitý*, každou noc spí doma. (st. 190)

Фразеологические аналоги:

На старые дрожжи (ст. 264) – *přineslo to ovoce* (st. 181);

Ты зайцем поедешь (ст. 125) – *chceš jet načerno* (st. 87);

У человека поехали мозги (ст. 87) – *má v tý škéce zamíchaný na betla* (st. 61);

Присел на коточки (ст. 90) – *sedl si na bobek* (st. 63);

Унесите ноги (ст. 94) – *zachraňte si zdravou kůži* (st. 65);

Худо ли бедно ли (ст. 104) – *volky nevolky* (st. 72);

Рукой подать (ст. 68) – *pár kroků* (st. 46);

Не вчера на свет появился (ст. 36) – *nebyl dnešní* (st. 25);

Невелика шишка (ст. 77) – *žádné velké zvíře* (st. 53);

Попытка не пытка (ст. 250) – *za zeptání nic nedáš* (st. 172);

Развесил ушами (ст. 217) – *poslouchal s otevřenou hubou* (st. 148);

Родился в рубашке (ст. 180) – *máš kliku* (st. 123);

Пропустить рюмочку (ст. 26) – *dát si skleničku* (st. 18);

Стал такой белый и пушистый (ст. 127) – *stal takový andílek* (st. 88);

Не слишком покривил душой (ст. 129) – *nestálo ho to velké přemáhání* (st. 89);

Вытянулся тетивой (ст. 118) – *vypjatý jako struna* (st. 82).

Ср. контексты:

Доедете с нами до Гостиного двора, а там и до Иноземского приказа *рукой подать*, - объяснил он. (ст. 68)

„Dojedete s námi na Tržiště, odtamtud už je to do Cizozemského prikazu *pár kroků*“, vysvětloval mu. (st. 46)

Но прежде чем Кузя исполнит на своем «маке» эту народную балладу, я должна проверить, правда ли Сосо стал *такой белый и пушистый*. (ст. 127)

Ale než Kuzja zplodí na svém mackintoshi tuhle lidovou baladu, musím já zjistit, jestli se ze Sosa doopravdy stal *takovej andílek*. (st. 88)

Безэквивалентные фразеологизмы в тексте и переводе. К ним относятся:

Чтобы *посадить на крючок* Седого (ст. 368) – abyste *přiskřípl* Пји́че (st. 251);

Или ты мне *лепишь горбатого* (ст. 122) – nebo mě *štengruješ* (st. 85);

Сто пудов (ст. 122) – *fakt* (st. 85);

Сон как рукой сняло (ст. 130) – Fandorine *byl rázem vzhůru* (st. 96);

И тогда *пиши пропало* (ст. 86) – *je to všechno úplně jedno* (st. 60);

От души (ст. 105) – *procíťně* (st. 73);

Ввел в разум (ст. 105) – *musel zpacifikovat* (st. 72);

Наводит справки (ст. 94) – *než seženu informací* (st. 65);

Уносить ноги подобру-поздорову (ст. 90) – *radši zachraňovat holý život* (st. 62);

Гнать бы в шею (ст. 119) – *měli by ho vykopnout* (st. 82);

Берет ноги в руки (ст. 126) – *vyrazí* (st. 87);

Не гони тарантас (ст. 126) – *nekvaltuj* (st. 87);

Дать отмашку (ст. 128) – *dát signál* (st. 89);

Наломали вы дров (ст. 76) – *pěkně jste si to nadrobil* (st. 52);

Отпустить восвояси (ст. 179) – *nechat běžet* (st. 122);

В два счета (ст. 248) – *vtžiku* (st. 248);

Следовало *отдать должное* (ст. 49) – *musel uznat* (st. 34);

В конце концов (ст. 86) – *vlastně* (st. 60);
С ума съехал (ст. 243) – *aby ses pomátl* (st. 167);
Бок о бок (ст. 254) – *vedle sebe* (st. 175);
Не бери в голову (ст. 101) – *neber si to tak* (st. 69);
Полный порядок (ст. 143) – *krásně* (st. 99);
Без пяти минут (ст. 6) – *málem* (st. 6).

Ср. контексты:

С деньгами у Корнелиуса выходил *полный порядок*. (ст. 143)

S penězi Kornelius vycházel *krásně*. (st. 99)

Не бери в голову, все там будем. (ст. 101)

Neber si to tak, musíme tam všichni. (st. 69)

2.2 Крылатые выражения в романе Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и их перевод на чешский язык

В данном романе встречаются также слова и выражения, имеющие своего автора и известные читателям благодаря их употреблению в определенных книгах, фильмах, передачах. Такие выражения называются крылатыми. Они бывают как интернациональными, то есть известными среди различных народов и имеющими эквиваленты данных названий в различных языках, так и национальными, популярными среди носителей языка.

В данной книге к интернациональным крылатым выражениям относятся следующие фразы и названия:

слоган рекламы компании Джонсон и Джонсон «*почувствуйте разницу*» (ст. 137) – *cítíte ten rozdíl* (st. 94);

Даме Сердца (образное название героини романа Сервантеса «Дон Кихот» Дульсинеи) (ст. 7) – *gytířská služba Dámě srdce* (st. 6).

К **национальным** крылатым выражением, употребляемым в данной книге, относятся:

Этот кошмар с улицы Вязов (ст. 181) (на основе названия фильма «Кошмар с улицы Вязов») – *ten postrach z Jilmové ulice* (st. 124);

палочка-выручалочка (ст. 372) (сказочный предмет, иногда еще называемый волшебная палочка) – *kouzelný proutek* (st. 254);

жар-птица (ст. 11) (сказочный персонаж) – *pták-ohnivák* (st. 8);

Ежик в тумане (название мультипликационного фильма Юрия Норштейна, главным героем которого был ежик – ассоциация с маленьким мальчиком, у которого могут быть свои мечты, видения, страхи) (ст. 136) – *ježek v mlze* (st. 93);

Эскадрон гусар летучих (название фильма о гусарах) (ст. 129) – *jako v tom filmu Létaající husaři* (st. 89);

Вали отсюда, *дядя Степа* (дядя Степа один из персонажей книги для детей «Дядя Степа», который отличался своим очень высоким ростом) (ст. 28) – *Vypadni odsud, strejdo* (st. 19);

Надо, Федя, надо (фраза из старой советской комедии «Операция Ы и другие приключения Шурика», предназначенная для тунеядца-алкоголика (который являлся одним из героев этого фильма) во время его перевоспитания) (ст. 190) – *Ale jo, Fed'o, ale jo* (st. 130);

Фандорин вспомнил уместную фразу из одного старого советского фильма: *Вопросы здесь задаю я* (знаменитая фраза, выраженная одним из главных героев популярного советского фильма «Место встречи изменить нельзя», следователь Шарапова, играл которого Владимир Высоцкий) (ст. 299) – *Fandorine si vzpomněl ne trefnou větu z jednoho sovětského filmu, který kdysi viděl na retrospektivním promítání v Chelsea „Otázky tady kladu já“* (st. 205);

Птичку жалко (еще одно выражение из другой советской комедии «Кавказская пленница» о упомянутом уже главном герое Шурике и его приключениях на этот раз на Кавказе во время летних каникул) (ст. 63) – *Je mi líto toho ptáčka* (st. 42);

Песня про неуловимую *Сулико* оставила Фандорина в покое (очень знаменитая грузинская песня советских времен о парне, который искал могилу своей любимой, под названием «Где же ты, моя Сулико») – *Píseň o*

marném hledání hrobu milené *Suliko* přestala Nicholase pronásledovat toho dne (st. 220);

Миллион алых роз песня была, помните? (знаменитая песня, хит 80-х гг., который исполнила очень известная и всеми любимая артистка Алла Пугачева) (ст. 266) – *Milion rudých růží* – to byl tenkrát šlágr, pamatujete? (st. 182).

Из всего вышесказанного следует, что интернациональные крылатые выражения намного легче переводятся, чем выражения национальные. Это и понятно, поскольку характерным отличием интернациональных крылатых фраз является их известность в разных языках.

Что касается национальных крылатых выражений, то несмотря на то, что в данном романе переводчик постарался перевести каждую отдельную крылатую фразу дословно, навряд ли чешский читатель по-настоящему поймет и осмыслит весь колорит и специфичность данного выражения. И в этом нет ничьей вины. Данный результат является отсутствием достаточных знаний реалий, относящихся к народу, который говорит на языке-оригинале данного романа, и культуры, связанной с этим народом. Хочется только сказать, что не все варианты перевода крылатых фраз и выражений были понятны и удачны в языке перевода. Прежде всего, так произошло в результате отсутствия определенных вставок-объяснений, к чему данные выражения относятся. Однако были и случаи, где эти вставки имелись. В заключении данной главы хочется привести пример одного из крылатых выражений романа Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и способа его перевода на русский язык, тем самым показав, как данное выражение делает текст более экспрессивным и интересным:

...Первый раз в двадцать лет женился. Невеста – ангел, папа – секретарь райкома. Так любил ее, так любил! «*Миллион алых роз*» песня была, помните?

Николас помотал головой – не помнил.

- Пугачева пела. Но это она уже потом пела в восьмидесятые. А я своей Нино еще в шестьдесят шестом, безо всякой Пугачевой, весь урожай

цветоводческого колхоза «Сорок лет Октября» купил и улицу перед домом розами выложил! (ст. 266)

Prvně jsem se ženil ve dvaceti. Nevěsta – andělsky krásná, tchán – tajemník okresního výboru. Já ji miloval, tolik jsem ji miloval! *Milion rudých růží* – to byl tenkrát šlágr, pamatujete?

Nicholas zavrtěl hlavou, že nepamatuje.

„Zpívala ho Pugačovová. Ale to bylo až později, v osmdesátých letech. A já jsem pro moji Ninu už v šestašedesátém, bez Pugačovové, koupil celou sklizeň zahradnického kolchozu Čtyřicet let Října a vystal jsem jí růžemi ulici před domem! (st. 182)

2.3 Неологизмы в романе Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и их перевод на чешский язык

В рассматриваемой нами книге находится большое количество новых слов и выражений, появившихся в русском языке в результате его изменений ввиду социальных и политических преобразований в российском обществе.

Новый язык стал более свежим и экспрессивным, о чем можно судить и по конкретным примерам изучаемого нами романа. Вышеупомянутые изменения в языке произошли также в результате появления новых предметов и общественных понятий, которые необходимо было назвать. Главным языком, способствовавшим процессу преобразований в русской лексике, стал английский, который уже давно занял место первого международного языка, стирающего барьеры в общении между различными народами.

Переходя к описанию конкретных примеров на основании романа Бориса Акунина «Алтын-Толобас», начнем с англицизмов. В нашем материале мы наблюдали следующие способы передачи англицизмов в тексте перевода:

Передача **англицизмов** в романе Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и его переводе на чешский язык с помощью чешских эквивалентов английского происхождения:

Экстремальная ситуация (ст. 97) – *extremní situace* (st. 67);

От *хаоса* отделяет (ст. 84) – *dělí od chaosu* (st. 58);

5 долларов (ст. 184) – *5 dolarů* (st. 126);

Передача **англицизмов** в романе Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и его переводе на чешский язык с помощью нетождественных чешских эквивалентов английского происхождения:

Среди этого *депрессивного* антуража (ст. 85) – *v tom deprimujícím prostředí* (st. 59);

Передача **англицизмов** в романе Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и его переводе на чешский язык с помощью исконно чешских слов:

Специалист по *экспорту* (ст. 5) – *expert pro vývoz kysané smetany* (st. 5);

К кожаному пенальчику для ручек *скотчем* была прикреплена бумажка (ст. 140) – *Ke koženému pouzdru na pera byl svorkou připevněn kus papíru* (st. 96).

В последнем примере переводчик неточно перевел слово *скотч*, эквивалентом которого в чешском языке является *lepící páska*, словом *svorka*, русский перевод которого является *зажим, прихват*.

Передача **англицизмов** в романе Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и его переводе на чешский язык с помощью контекстуальных эквивалентов:

Там, конечно, всякие хитрости, нанайский *реслинг*, подставки, но ничего уголовного. (ст. 128) – *Jsou v tom samosebou všelijaký čachry, úplný artistický čísla, podvodný machinace s bílýma koňma, ale nic trestního.* (st. 88)

Английское *wrestling* означает бой. Как видно из перевода, переводчик перевел данное предложение сугубо на свое усмотрение, что, по нашему мнению, является неправильным, ведь по общеизвестным правилам Теории перевода оригинал следует переводить так, чтобы сохранилась его семантику.

Что за *пазл* сложился из двух половинок (именно таким образом написано данное слово в книге автора романа «Алтын-Толобас», которое обычно пишется с одним з) (ст. 141) – *jaký smysl dávají ty dvě půlky složené dohromady* (st. 97).

Как видно из вышеприведенных примеров, англицизмы в русском языке передаются на чешский язык с помощью чешских англицизмов, с помощью исконно чешских слов или описательно – контекстуальным переводом.

Перевод **неологизмов**

Далее, к новым явлениям в жизни российского общества относится появление **новых профессий, научных степеней или возвращение старых профессий**, которые также употреблены в рассматриваемой нами книге и ее переводе на чешский язык (заметим, что среди них тоже много англицизмов):

Магистра истории (ст. 7) – *magistra historie* (st. 6);

Да, наш *суперстар* (ст. 126) – *jo, náš superstar* (st. 87);

По вагонам начнут таскаться *проститутки* (возвращение в жизнь российского общества представительниц древней профессии) (ст. 24) – *po vagonech se začnou courat prostitutky* (st. 15);

А бесстыдство *новой элиты* (ст. 8) – *a nestoudnost nové elity* (st. 7);

И *сутенер* толкнул магистра в плечо (ст. 28) – *její pasák dloubl magistra do ramena* (st. 20);

Бизнесмен (ст. 5) – *byznysmen* (st. 5);

Что *киллер* поджидал вас в гостиничном номере (ст. 93) – *že na vás vrah čekal v hotelovém pokoji* (st. 64);

Скаут, хедлайнер, райтер, шеф-редактор (ст. 138) – *skaut, headliner, writer, šéfredaktor* (st. 95);

Где описывался загородный дом *банкира* (банкиры до этого существовали только при царе) (ст. 250) – *líčící bankéřův dům za městem* (st. 172);

Венчается с *top-моделью* (ст. 251) – při svatebním obřadu s *top-modelkou* (st. 172);

Учредители, председатель правления (ст. 248) – *zakladatelé, předseda představenstva* (st. 171);

Канцелярист в московском архиве (ст. 13) – *kancelisty* v moskevském archivu (st.9).

Названия новых учреждений, заведений и их реквизитов, а также их перевод на чешский язык:

Я вам *офис* сниму (ст. 372) – najmu vám *kancelář* (st. 254);

Одеваться в дорогих *бутиках* (ст. 297) – oblékat se v drahých *butikách* (st. 204);

Едут те, кому *таунхаус* и *гольф-клуб* важнее науки (ст. 57) – ti, pro které je *rodinný domek a golfový klub* důležitější než věda (st. 39).

Новые экономические термины и их перевод на чешский язык:

Ни о чем не просить – ни о *тендере*, ни о *шмендере*, ни о возвращении двух миллион, которые у меня вчера *налоговая полиция* счерномырдила (ст. 371) – Ani o krásu, ani o spásu, ani o vrácení těch dvou milionů, co ze mě včera vyždímal *berňák* (st. 253).

Berňák по-чешски – налоговый, то есть сотрудник налоговой полиции.

Уставной капитал (ст. 248) – *základní jmění* (st. 171);

Я возьму в банке *ссуду* (ст. 96) – vezmu si v bance *půjčku* (st. 66);

Ну кое-какие *оффшорные* загогулины (ст. 128) – pak nějaký ty *daňový úniky* (st. 88);

Сейчас Сосо из *тендера* на *контрольный пакет* здорово расшустрился (ст. 128) – Teď to Soso šikovně sjel s *majoritním podílem* Westsiboilu (st. 88).

К новым явлениям в русской лексике также относится возвращение **церковнославянизмов**:

Дьявольский соблазн (ст. 15) – o *d'ábelských* svodech (st. 15);

В *епархиальных* скрипториумах (ст. 15) – v *diecézních* rukopisných skladech (st. 11);

Фандорин снова *перекрестился* (ст. 183) – Fandorine *se pokřižoval* (st. 125).

Наименования иностранных марок машин и их перевод на чешский язык:

Были на трех джипах: «*фронтера*», «*паджеро*», «*гранд чероки*» (ст. 130) – husaři měli celkem tři džípy: *Frontera, Pajero, Grand Cherokee* (st. 90);

Сползло вниз *тонированное стекло* (новая возможность затонировать стекла в автомобиле, раньше просто клеили черные наклейки на стекла) (ст. 154) – sklouzlo dolů *tónované sklo* (st. 126);

Ездит на новой «*мазде*» (ст. 297) – jezdí v nové *mazdě* (st. 204).

Новые наименования продуктов и их перевод на чешский язык:

Хот-дог или даже *гамбургер* (ст. 27) – třeba *hot-dog, nebo dokonce hamburger* (st. 19);

Буфетчица кинула на прилавок две ваночки «*тутти-фрутти*» (обычно Николас покупал «*Данон*») (ст. 27) – prodavačka hodila na pult dva kelímky „*tutti-frutti*“ (Nicholas si obvykle kupoval *Danone*) (st. 19);

Покосился на пачку «*Уинстона*» (ст. 25) – zašilhal na kolinkinsovu krabičku *winstonek* (st. 17).

Наименования новинок техники:

Сосканировать вторую половину (ст. 29) – *splaším* tu druhou půlku závětí (st. 20);

Компьютер (ст. 248) – *počítač* (st. 171);

Включил *плейер* (ст. 22) – pustil si *nahrávku z kazety* (st. 16);

Снесся по *факсу* (ст. 19) – kontaktoval *faxem* (st. 14);

Ручной *сканер* (ст. 60) – ruční *skener* (st. 41)

Ксерокс забарахлил (ст. 54) – *xerox* nefunguje (st. 37);

А сколько-то килобайтом информации (ст. 87) – ale kdovíkolik kilobitů informací (st. 60);

Тайминг был супер (ст. 124) – *načasování* bylo super (st. 86);

Я объектив наставила, зум выкатил (ст. 132) – *nařídila* jsem objektiv, *vysunula zoom* a *koukám* (st. 91);

Магистр углядел «кэнон» (марка фотоаппарата) (ст. 126) – *magistr viděl kameru* (st. 87);

В руках он держал электронную записную книжку (ст. 297) – *V rukou měl elektronický zápisník* (st. 204);

«Евродебетбанк»: адрес, телефон для справок, *e-mail*, *отсылка на банковский счет* (ст. 248) – *Banka Eurodebet: adresa, telefonní číslo informací, e-mail, odkaz na bankovní server* (st. 171);

Николас вернулся в Интернет и велел поисковой системе (ст. 248) – *Nicholas se vrátil k internetu a přikázal vyhledávacímu systému* (st. 171);

Звоните ему пожалуйста на мобильный (ст. 251) – *Zavolejte mu laskavě na mobil* (st. 172).

Возвращение старых социальных понятий, употреблявшихся в царской России:

Вечное *попрошайничество* (ст. 8) – *věčné šketrání* (st. 7);

Под сенью *двуглавого орла* (герб России) (ст. 7) – *pod křídly dvouhlavého orla* (st.6);

Российской державы (ст. 52) – *Ruské říše* (st. 36).

Новые обозначения криминальных явлений:

Умеренно *грязный бизнесмен* эпохи *недоразвитого капитализма* (ст. 128) – *přiměřeně špinavej byznys* epochy *rozvojového kapitalismu* (st. 88);

Русские мафиози (ст. 179) – *ruští mafiáni* (st. 122);

Это *бандит*, человек из *русской мафии* (ст. 177) – *je to bandita, ruský mafián* (st. 121);

Что здесь все разъедено *коррупцией* (ст. 96) – *že je tu všechno prolezlé korupcí* (st. 66);

Милиция на улице за *бомжа* не примет (бомж – человек без определенного места жительства, данное общественное явление появилось после этапа перестройки) (ст. 179) – *ale policajti na ulici ho aspoň nebudou mít za bezdomovce* (st. 122).

Заслонился *глянцевым* латвийским журналом (ст. 29) – *zaštitil se lesklým lotyšským žurnálem* (st. 20);

Сообщить в «*Бритиш Эрвейз*» (ст. 87) – *Oznámit na British Airways* (st. 60);

Бед-энд-брекфаст (обозначает, что в цену за проживание в гостинице входит и стоимость завтрака) (ст. 46) – „*bed-and-breakfast*“ (st. 32).

Из всего вышеизложенного следует, что перевод неологизмов в данном романе неплохой, достаточно хорошо сохранена семантика произведения. А также в чешском языке, в отличие от русского, вместо новых иностранных названий стараются использовать собственные языковые эквиваленты либо переводить англицизмы с сохранением оригинального написания.

2.4 Перевод жаргонизмов

Жаргон – социальный диалект, имеющий свою лексику и фразеологию, развивается на основе литературного языка. Он может объединять в себе речь разных социальных групп, переходить из одной группы в другую. На сегодняшний день словарный запас данного социального диалекта пополняется за счет лексики аргю и жаргона наркоманов. В литературе жаргонизмы стали употребляться с целью передачи характера героев, приближения читателя к описываемой в беллетристике социальной среде.

В произведении «Алтын-Толобас» присутствуют такие жаргонизмы, которые появились в русском языке либо после перестройки, либо они были известны и ранее, однако, в результате цензуры не могли использоваться в печати. В данном разделе нашей дипломной работы мы их проанализируем по отдельности, изучив не только отдельные лексемы, но и фразеологизмы,

а также опишем способы их передачи на чешский язык. Следует помнить, что жаргонизмы переводятся так, чтобы сохранилась их семантика, то есть, прежде всего, с помощью эквивалентов, если такие в переводящем языке имеются; в случае, если данные эквиваленты в переводящем языке не имеются, их следует переводить с помощью просторечий, так как сам жаргонизм является лексическим отклонением от языковой нормы.

Рассматривая примеры жаргонизмов из романа Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и их перевода на чешский язык, мы будем руководствоваться классификацией способа перевода реалий, разработанной болгарскими лингвистами С. Влаховым и С. Флорином, поскольку считаем что жаргонизмы так же, как и реалии, характеризуют определенную социальную среду. Начнем мы с описания точного перевода.

К точному переводу жаргонизмов относятся:

Милая Наташа, *не завалиться ли* нам в Челси? Там нынче *улетная тусовка*. (ст.9)

Milá Natašo, co kdybysme *si skákli do Chelsea* na *mejdlo*? Je to tam *super*. (st. 7)

Тусовка – вечеринка, *завалиться* – пойти (оба элемента молодежного сленга).

Skáknout – сходить куда-н. *Mejdlo* – вечеринка.

Так ты *в натуре брutiшь*? (ст. 193) – Tak ty seš *fakt Anglán*. (st. 132)

В натуре – действительно.

В газетах пару лет назад такой *кипеж* был. (ст. 132) – Před pár lety udělaly noviny *takovej humbuk*. (st. 115)

Кипеж – поднять шум, устроить кому-л. крупную головоломку.

Не менжуйся, братишка, домачивай. Все равно *отходит*. (ст. 191) – *Nežinýruj se, kámo, dodělej ho*. Stejně *zhasne*. (st. 131)

Менжеваться – бояться, страшиться; переживать, нервничать, *браток* – друг, *домачивать* – окончательно убить, *отходить* – умирать.

Žinýrovat – ostýchat se, zdráhat se, *zhasnout* – zemřít.

А *перепихон* был классный (ст. 182) – To jsme se prima *zapíchali* (st. 125);

Которые стебанутый кровосос Ваня зачем-то куда-то *заныкал* (ст. 175) – který ten pošahanej upír bůhvíproč bůhvíkam *ulil* (st. 120);

Проводника *шмонать* не буду (ст. 50) – Průvodčího *filcovat* nebudu (st. 35)

Шмонать в данном контексте – проводить личный досмотр.

К неточному (приблизительному) переводу жаргонизмов относятся следующие примеры:

Вокруг меня одно время *шились* некие подозрительные личности, сулили *немеренно баксов*, если я возьмусь выполнить какой-то заказ. Я подумал, речь идет о краже архивных документов *и отшил* их. (ст. 210)

Kolem mě se jeden čas *motali* podezřelí chlapci, slibovali *nepočítané babek*, když přijmou jistou zakázku. Věděl jsem, že jde o krádež archivních dokumentů, a *odbyl jsem* je. (st. 185)

Шиться – приставать, надоедать, стараться добиться чего-л.; *немеренно* – много, вдоволь; *баксы* – доллары, *отшить* – заставить уйти, отстать – все жаргонизмы.

Борзеешь, вша поднарная? (ст. 50) – *Seš až moc hustej*, ty šmejde! (st. 35);

Но с Седым они *по корешам* давно, когда Вадик на эту самую комиссию *бабки отстегивал* (ст. 110) – Ale se šéfem byl *jedna ruka* už dávno, už jak od Vladíka něco *káplo* pro tu komisi (st. 85).

Кореш – друг, *бабки отстегивать* – давать деньги, *kápnout* – принести деньги, прибыль

Переводчик замечательно перевел жаргонизм *кореш*, заменив его чешским фразеологизмом *být jedna ruka*, а жаргонизм *отстегивать бабки* с помощью элемента просторечия *kapnout*, сохранив семантику текста оригинала, приблизительный перевод.

Будешь *припухать* здесь столько, сколь надо. А как приутихнет, я тебя через Турцию *по фуфловой ксиве* отправлю (ст. 204) – *Zůstaneš tady tak*

dlouho, jak bude nutný. A jak to utichne, dostanu tě pryč přes Turecko na *falešném pas* (st. 139).

Припыхать – приходиться в какое-либо эмоциональное состояние, становиться агрессивным, но в данном контексте прятаться. *Ксива* – документ в общем, *фуфловый* – поддельный.

Как они нас *нарыли* (ст. 141) – Jak nás *vypátrali* (st. 96);

В *ментуре* не *фраера* сидят (ст. 203) – Na *kriminálce* nesedí *idioti* (st. 138);

И я *мылю* в редакцию, *сиди тихо, шевели мозгами!* (ст. 176) - A já *zaskočím* do redakce, *tady tiše sed' a přemýšlej* (st. 121).

Фразеологизм *шевелить мозгами* – думать, жаргонизм *мылить* – идти в определенном направлении.

Срисовал их? (ст. 132) - *Zaregistrovals je?* (st. 91)

Срисовать – запомнить, заметить.

Не, не бритиш, но *крутой укос* под бритиша (ст. 184) - Tak Anglán ne, *jenom jako* (st. 125).

Нашли *шестерку* (ст. 237) – Nejsm *blbec* (st. 210).

Шестерка – человек на побегушках; презираемый всеми человек.

Эскадронцы *насли* синюю «восьмерку» (ст. 132). - Husaři *sledovali modrýho žigulíku* (st. 90);

Компьютер *навороченный* (ст. 198) – *nejnovější typ počítače* (st. 135);

Тебя сажают в *канарейку* (ст. 132) – Posadili tě do *žlutého mikrobusu* (st. 91);

Канарейка - жаргонизм, название для милицейской машины, где обычно возят преступников.

Не помню, что он там *отмочил* (ст. 198) – Už nevím, co *vyved* (st. 135);

Девочки обещали *надыбать* книжек (ст. 181) – holky mi slíbily *sehnat knížky* (st. 124)

Неточности при переводе на чешский язык:

Мы ведь не знаем, до какой степени у них на этой Либерии поехала крыша – похоже совсем соскочили со стропил.

Nevíme přece, jak dalece a jestli vůbec se na tu Libereu vybodli – možná že jo.

Крыша в наркоманском жаргоне означает сознание, рассудок. *Поехала крыша* – значение неразумного, неадекватного поведения, мыслей (наркоманский жаргон). *Соскочить со стропил* (жаргон) – сходить с ума.

Vybodnout se – потерять интерес в чем-то, перестать о чем-н. хлопотать.

Русские жаргонизмы переведены на чешский язык с помощью просторечия, изменена семантика.

Отвечайте за базар, или же, выражаясь интеллигентно, исполняйте взятые на себя обязанности.

Odpovídáte za trh, nebo abych se vyjádřil inteligentně, plňte svoje povinnosti.

Базар – разговор, обещание. *Отвечать за базар* – нести ответственность за невыполненное обещание.

Из перевода видно, что переводчик не понял семантики жаргонного фразеологизма и перевел его дословно, то есть не передал семантику предложения.

2.5 Перевод архаизмов

В части изучаемого нами романа, описывающей события эпохи правления царя Алексея Михайловича, используется архаизированная лексика, вышедшая из употребления в повседневной речи. Данные слова уже не используются в современном языке в результате отсутствия в общественной жизни предметов и понятий, которые они обозначали. Их семантика не всегда понятна даже современному читателю оригинала, не говоря уже о читателе перевода, и для того, чтобы точно определить

значение таких слов, а также перевести их, необходимо обращаться к толковым словарям и различным историческим справочникам, чтобы правильно расшифровать их.

Кроме того, в старой части романа использовались слова, заимствованные из немецкого языка, который в тот момент играл подобную роль для русского языка, как сейчас английский.

Для описания данного раздела практической части нашей дипломной работы мы использовали классификацию перевода реалий болгарских лингвистов С.Влахова и С. Флорина, а именно способы перевода с помощью транскрипции, освоения, точного перевода, приблизительного и контекстуального.

Передача с помощью транскрипции:

Государевы *стольники* (ст. 78) – *carovi stolnici* (st. 54);

Из *аустерии* (ст. 75) – *z austerie* (st. 52);

Московских *стрельцов* (ст. 16) – *moskevských strelců* (st. 12);

Московитов (ст. 5) – *moskovitů* (st. 5);

Вышли в обнимку двое *рейтаров* (ст. 76) – *vyšli dva objímající se rejtaři* (st. 52);

Приказной «*подjatschi*» (ст. 72) – *příkazný podjači* (st. 49);

И уже сзади *купцы* (ст. 65) – *a konečně vzadu kupci* (st. 44);

И какой-нибудь боярин с *челядью* (ст. 104) – *i některý bojar s čeledí* (st. 71);

За ним четверо *кнехтов*, тоже с *мушкетами* (ст. 65) – *za ním 4 knechti taky s mušketami* (st. 44);

Государевы *ездовые сто ефимков* потратил (ст. 73) – *Cestovné od cara 100 jeřimků utratil* (st. 50);

Что ему от кривого турецкого *ятагана* (ст. 32) – *že mu tam zanechal stopu křivý turecký jatagan* (st. 23);

Правая половина *свитка* (ст. 17) – *pravá polovina svitku* (st. 12).

Это он посылал за «*большим кафтаном*» (ст. 77) – *To si poslal pro velký kaftan* (st- 53).

Беру недорого – *алтын и деньгу* (ст. 76) – *Beru málo – altun a půl kopějky* (st. 52).

Перевод с помощью освоения:

Опальный *боярин* (ст. 16) – *vypovězený bojar* (st.12);

В *лифляндской* столице (ст. 34) – *v livornském hlavním městě* (st. 24);

Корм полагался от боярского стола (ст. 142) – *Jídlo* dostával z bojarského stolu (st.98);

Точный перевод:

Присутствия и лавки закрываются (ст. 81) – *úřady a krámy* se zavřou (st. 56);

Вот и *застава* (ст. 67) – *tak tady máme mýto* (st. 46);

Капитану *пожаловал* пару соболей в 10 рублей (ст. 144) – *Daroval kapitánovi dvě soboliny v ceně deseti rublů* (st. 99);

За воротами *земляного вала* (старая реалья) (ст. 74) – *Za vraty u hliněného náspu* (st. 51);

Впору надевать *рубище, вериги* и идти простоволосым (ст. 86) – *Měl bych na sebe vzít cáry a řetězy a prostovlasý putovat po svaté Rusi* (st. 60).

Вериги – железные цепи, *рубище* – рваная одежда;

Почему-то ушел в *закут* (ст. 43) – *bůhvíproč odešel do přístěnku* (st. 30).

Закут – чулан.

Серебрянная *каска* (ст. 143) – *stříbrná přilba* (st. 98);

Пред светлые государевы *очи* (ст. 144) – *před carovými jasnými zraky* (st. 99);

На *дыбе* изломают (ст. 79) – *natáhnou vás na skřípec* (st. 54);

Вынул из *вьюка* флягу доброго голландского рома (ст. 77) – *vyndal z vaku láhev dobrého holandského rumu* (st. 53);

На пятый день достиг последнего шведского поста – *крепостицы* Найхаузен (ст. 34) – Pátého dne dorazil k poslednímu švédskému stanovišti, k *baště* Neuhausen (st. 24).

Высоко подняв *канделябр* (ст. 230) – a zvedl do výšky *svícen* (st. 157);

Приблизительный перевод:

Пять *рейхсталеров*? Пять? Да за что? (ст. 74) – Pět *říšských tolarů*? Pět? A za co? (st. 53)

Рейхсталер – название талера, чеканенного в соответствии с имперской монетой стопой Священной Римской империи германской нации, переводчик перевел ее с помощью эквивалента *имперский талер* – *říšský tolar*.

Татарские *куцавейки* (ст. 56) - Tatarské *kazajky* (st. 45)

Куцавейка – (кацавейка) распашная короткая кофта, подбитая или отороченная мехом, *kazajka* – куртка.

Корнелиус видел, как царь в европейском платье – *камзоле* и чулках – лежал на скамье (ст. 89) – Kornelius viděl, jak car spočívá na lavici v evropském obleku – *ve vestě* a *punčochách* (st. 67);

Я и *грамотки челобитные* или *сутяжные* составлю (ст. 76) – Sepisují i *suplíky* nebo *žaloby k soudu* (st. 52);

Этот Федька Лыков невелика шишка, *подъячишка* простой (ст. 77) – Tenhle Feďka Lykov není žádné velké zvíře, je to obyčejný *ouřada* (st. 53).

Оуřаdа – канцелярист;

Лейб-гвардия (ст. 120) – *tělesná garda* (st. 83).

Контекстуальный перевод:

Тати ночные (ст. 162) – *noční pobertové* (st. 111);

Когда пригласят, то в *горнице* (ст. 142) – někdy byl pozván do *jidelny* (st. 98);

Горлатная шапка (ст. 104) – *pestrá čapka* (st. 71);

Буду на него самого *челом* за бесчестье *бить* (ст. 73) – budu na něm samotném *žádat satisfakci* za urážku na cti (st. 50);

В качестве *епитимьи* (ст. 14) – za *pokání* (st. 11);

С караваном датских и английских *негоциантов* (ст. 64) – s karavanou dánských a anglických *velkoobchodníků* (st. 44);

Биография служилого *иноземца* (ст. 19) – životopis *cizince* v ruských službách (st. 14);

Заветная половинка *духовной* (ст. 20) – tajemnou polovinou *závěti* (st. 14).

Кроме того, в отдельную группу мы хотим выделить **устаревшие грамматические элементы**, используемые в написании старой части романа Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и ее переводе на чешский язык:

Держал себя в *гостинной зале* (зала – уст., ж.р., теперь у потребляется в м.р. зал) (ст. 152) – Kornelius si té cti vážil a choval se v *hodovní síni* skromně (st. 104);

Его величество любил прогуливаться *меж сих* райских *кущ* (кущ – устаревший тип склонения существительного *куст*, устаревшее употребление местоимения этот – *сих*, устаревшая форма предлога *между* – *меж*) (ст. 145) – jeho Velicenstvo se rádo procházelo *mezi těmi* rajskými *keři* (st. 100);

Все в *руце* Божий (руце – устаревшее окончание местного падежа существительного *рука*) (ст. 121) – Všechno je v *rukou* božích (st. 83);

Пускай его (устаревшая форма повелительного наклонения от глагола *пустить*) (ст. 32) – *Jen ať si poslouží* (st. 22).

А также, в отдельную группу мы хотим отнести **названия различных учреждений и их перевод на чешский язык**:

Протоколы допросов *Приказа тайных дел* (ст. 19) – v protokolech výslechů *Prikazu pro osobní věci* (st. 14);

Если не до смерти убили, отведут в *земскую избу*. Если до смерти, увезут на *Чертолье*, в *убогий дом* (ст. 165) – Pokud postížený není mrtvý,

odvedou ho na *zemský úřad*. Když je zabítý, odvezou ho na *Čertolje, kam se vozí neznámí umrlci*. (st. 113);

Гостинный двор (ст. 68) – *tržiště* (st. 46);

Иноземный приказ (ст. 68) – *Cizozemský příkaz* (st. 46);

Новая немецкая слобода (ст. 75) – *Nová Německá Osada* (st. 51).

Мы считаем необходимым также выделить **неточную передачу стилистической окраски оригинала**:

Для передачи колорита эпохи Б. Акунин часто использует архаизмы, которые в переводе передаются нейтральной лексикой. Ср., например:

На *подорожную* смотрел долго (ст. 72) – na *cestovní listinu* hleděl dlouho (st. 49);

Толмач (ст. 73) – *tlumočník* (st. 50);

Приказный (ст. 74) – *úředník* (st. 51)

Стражники (ст. 36) – *hlídači* (st. 25)

Камер-секретарь (ст. 14) – *dvorní tajemník* (st. 10).

К **неточному переводу архаизмов** относятся:

Потянул носом на аромат *печева*, пряного мяса, дымленной белорыбицы (ст. 163) – Vtáhl nosem pečeného masa a uzených lososů, a náhle se jeho obličej podivně změnil (st. 112).

Как видно из вышеприведенного примера, переводчик не смог правильно разгадать семантику слова *печево* – устаревшее название хлеба.

Посол сразу и бумаги выправил на новые звания, с красными *сургучными* печатями (ст. 34) – Diplomát taky hned vyplnil papíry na nový titul s červenými pečetěmi (st. 24).

Переводчик не перевел слово *сургучный*, что означает «из воска», хотя в чешском языке имеется его эквивалент – *voskový*.

Из всего вышесказанного следует, что автор романа Борис Акунин в древней части оригинала использовал большее количество архаизмов, чем

авторы чешского перевода. Но сам перевод является неплохим и соответствует общим требованиям перевода в том случае, что сохранена основная семантика текста и переводчицы старались не использовать слишком много неизвестных слов, чтобы бессмысленно не нагружать читателя неизвестными названиями предметов быта.

Заключение

В данной дипломной работе «Проблемы перевода новой и архаичной лексики на чешский язык (на материале романа Бориса Акунина «Алтын-Толобас» и его перевода на чешский язык)» мы постарались изучить способы передачи на чешский язык новой лексики в современном русском языке, а также архаичных элементов, использованных в книге. При написании настоящей дипломной работы мы использовали методологию сравнения данных элементов с их чешским переводом. Помогли нам в этом оригинал романа Бориса Акунина „Алтын-Толобас“ и его чешский перевод, выполненный переводчицами Властой Тафеловой и Эммой Розгониовой, „Tajemství zlatého Tolobasu“.

Дипломная работа разделена на две части: теоретическую и практическую. В теоретической части описываются новые процессы, которые произошли в русском языке за последние двадцать лет. Главным импульсом для данных процессов послужила смена политического курса и общественной обстановки, повлекших за собой отмену цензуры, большой либерализм и демократизм в языке и речи.

Перемены отразились на всех пластах русского языка, прежде всего, в лексике (появились новые лексемы, жаргонизмы, элементы арго), во фразеологии (образованы новые фраземы) и словообразовании (процесс приспособления неологизмов к русской морфологической системе и образование от них новых частей речи, например, образование глагола от заимствованного имени существительного: *ксерокс – отксерить*).

Современной тенденцией в языке стало упрощение, отразившееся в лексике, синтаксисе, морфологии русского языка. Данная тенденция способствовала появлению большого количества неологизмов, прежде всего англицизмов, известных своей имплицитностью и экономичностью выражения.

Заимствованные из английского языка слова стали, прежде всего, употребляться в новых названиях предметов быта и современной техники, пришедших на российский торговый рынок также с запада, например *компьютер, факс, модем, блендер*. Англицизмы стали также употребляться для обозначения новых общественных явлений, появившихся в жизни

русского общества после перестройки, например, различные понятия отдыха: *релакс, спа салон, гольф-клуб*; экономические явления: *тендр, аудит, инвестиции*; сфера питания: *гамбургер, хот-дог, кока-кола*. Данные явления произошли либо в результате отсутствия их эквивалентов в русском языке, как, например, *чизбургер, картофель фри, маркетинг*, либо в результате специальной замены русских слов вследствие языковой моды. К последним относятся такие слова, как *снайпер* – меткий стрелок, *компакт-диск* – пластинка. Кроме этого, огромное влияние на русский язык оказал молодежный сленг, то есть вариант разговорной речи, не совпадающий с нормами литературного языка, который вобрал в себя разнообразное количество англицизмов, заимствованных, прежде всего, из музыкальной индустрии. К таким словам относятся *ди-джей* (человек, ставящий музыку), *сингл* (хит), *бенд* (музыкальная группа). Главным доказательством того, что иностранное слово закрепилось в русской лексике, свидетельствует его употребление не только в главном, но и в переносных значениях. Например, слово *приоритет*, кроме своего основного значения – первенство в чем-либо, стало еще употребляться и в таких значениях, как «главные интересы, коммерческие интересы, преимущество».

Однако не только англицизмы заполнили русский язык. В словарный запас проникли и такие слова, которые ранее имели негативные коннотации, например, лексика старой дореволюционной России: *гимназия, губернатор, коммерсант*; возвращение веры и вместе с ней церковных понятий: *конфессия, ряса, иконостас, церковная служба*. И наоборот, вышли из употребления некоторые явления, принадлежащие к прошлой жизни: *советский, коммунизм, субботник, партийный работник*. Либо такие слова стали употребляться в негативном значении. Вообще людей, которые не перестроились на новый лад современной динамичной российской жизни, стали называть *совками*. Данное название образовано от слова *советский*, что подтверждено наличием общего корня *сов-*.

Что касается современной фразеологии, то здесь также появилось немало новых явлений, заимствованных во многом из английского языка. Прежде всего, известный фразеологизм *новые русские*, ассоциирующийся с

очень богатым человек, русским бизнесменом, одетым обязательно в малиновый пиджак, с килограммовой золотой цепью и с мобильным телефоном. Данная фразеологическая единица была заимствована из английского языка, эквивалент которой *New Russians*. Далее к ним относятся такие фразеологические единицы, как *голубые береты*, *белая смерть*, *черное золото*, *утечка мозгов*.

Кроме того, появились фразеологизмы, отображающие изменения в общественной жизни, например, *девушка легкого поведения*, *дикий капитализм*, *теневая экономика*. Новые явления стали проникать в общественную жизнь, прежде всего, с помощью средств массовой информации (СМИ), стиль которых также упростился. Она стала более свободной и либеральной. Новые языковые явления стали появляться также в беллетристике, в речи политических и общественных деятелей. Особенно это было непривычно у последних, поскольку ранее за речью политиков и депутатов очень строго следили, им писались доклады заранее, а теперь их речь намеренно приспособляется «к народу», в ней употребляются элементы просторечия и сниженной лексики.

Помимо новых явлений в теоретической части описываются архаичные элементы, поскольку роман Бориса Акунина Алтын-Толобас был написан в двух временных плоскостях: в настоящей и в средневековой. Главным языком средневековой Руси считался церковнославянский, на котором писались различные богослужебные книги. Кроме того, существовал еще деловой язык, на котором издавались документы, приказы, велась переписка между государственными деятелями, писалась беллетристика. Однако постепенно древнерусский язык стал подвергаться влиянию западноевропейских языков, среди которых, прежде всего, был латинский, а затем и немецкий языки. В старой части романа описывается именно тот период, когда в Россию стали проникать для наемной военной службы немецкие солдаты, речь которых внесла в русский язык отдельные германизмы, такие, как например *шлагбаум*, *кирха*, *герр* (немецкий способ обращения к важному человеку).

В теоретической части также был затронут вопрос способа перевода новых слов, отражающих все эти новые явления, проникшие в русскую речь за последние двадцать лет, описание проблем и ошибок, с которыми может столкнуться переводчик при их неправильной семантизации.

В практической части были описаны элементы новой лексики, взятые из романа Бориса Акунина „Алтын-Толобас“ и их перевод на чешский язык. Общее количество таких примеров насчитывает 235 лексем.

Практическая часть была начата изучением и описанием фразеологизмов, а также способов их перевода на чешский язык. Для данного исследования мы воспользовались классификацией способов перевода фразеологизмов, разработанной лингвистами-фразеологами Л. Степановой и В. Мокиенко. Из разработанного ими деления способов перевода фразеологизмов на полные эквиваленты, частичные, относительные эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологизмы, в нашем исследовании было насчитано больше всего фразеологических аналогов и безэквивалентных фразеологизмов. Примеры фразеологических аналогов следующие: *ты зайцем поедешь* – *chceš jet na černo*, *невелика шишка* – *žádné velké zvíře*, *попытка не пытка* – *za zeptání nic nedáš*. К безэквивалентным фразеологизмам относятся: *пиши пропало* – *úplně jedno*, *брать ноги в руки* – *vyrazit*.

Следующей главой практической части были крылатые выражения, известные наличием своего автора и употреблением в определенных книгах, передачах, фильмах. Интернациональные крылатые выражения и слова были для переводчиц данного романа намного легче и проще понять и перевести, чем домашние, так как данные международные крылатые выражения имеют свои эквиваленты в чешском языке. Например, пример интернационального крылатого выражения из текста произведения: слоган рекламы компании Джонсон и Джонсон «*почувствуйте разницу*» – *cítíte ten rozdíl*.

Исконно русские крылатые выражения переводились мастерами перевода по-разному: либо с объяснением, что данное выражение означает, например, *Эскадрон гусар летучих* – *jak v jednom filmu Létající husaři*. Либо

без объяснений, что Наверное создавало проблемы для читателей перевода романа. Например, героиня произведения назвала главного героя *ежиком в тумане* (название советского мультипликационного фильма о ежике, который потерялся в тумане), который был переведен дословно – *ty jsi jako ježek v mlze*. Такой способ перевода, на наш взгляд, является неудачным, так как читатель перевода вряд ли поймет, почему ни с того ни с сего автор романа завел речь о каком-то ежике.

Также в практической части нашей дипломной работы описывались неологизмы, представленные, в основном, англицизмами. Англицизмы проникли в русскую речь во все сферы общественной жизни. Названия профессий, бытовой техники, зданий и помещений, продуктов питания – везде можно найти их присутствие. Интересно заметить, что в русском языке иностранные слова и реалии транскрибируются, а в чешском языке переводятся либо с помощью подходящего чешского эквивалента, например: *киллер – zabiják, таун хаус – rodinný domek* (от англ. town house), *кейс – kufřík*, либо с помощью оригинального написания: *райтер – writer, в каких кембриджах - v ktery Cambridge*. Кроме того, к новым явлениям мы отнесли такие слова, которые ранее не употреблялись в результате отсутствия этих понятий в общественной жизни, например, *епархиальный, попрошайничество*; либо появление которых было спровоцировано социальными изменениями, произошедшими с обществом после перестройки: *бомж, коррупция, „Бритиш Эрвейз“, гляцевый журнал*.

Следующей главой практической части данной дипломной работы были жаргонизмы, которые в некоторых случаях переводились неправильно. Например, жаргонизм *соскочить со стропил* (означает «потерять рассудок») был неправильно переведен на чешский язык с помощью лексемы *vubodnout se*, что означает потерять интерес к чему-нибудь. Также был довольно неудачный перевод жаргонизма *отвечать за базар* (означает «исполнять взятые на себя обязательства»), который в чешском языке прозвучал дословно, как *odpovídat za trh*. Однако, были и удачные примеры точного перевода жаргонизмов, как например: *Милая Наташа, не завалиться ли нам в Челси? Там нынче улетная тусовка. - Milá Natašo, co kdybysme si skákli do*

Chelsea na mejdlo? Je to tam super. А также, очень много жаргонизмов было переведено контекстуально, то есть с помощью сохранения семантики, например, Не помню, что он там *отмочил* – *Už nevím, co vyvedl; Срисовал их?* - *Zaregistrovals je?*

Последняя глава практической части дипломной работы „Проблемы перевода на чешский язык новой и архаичной лексики (на материале романа Бориса Акунина Алтын-Толобас и его перевода на чешский язык *Tajemství zlatého Tolobasu*)“ была посвящена архаизмам, которые употреблялись в древней части романа. Согласно Флорину и Влахову архаизмы – слова, которые несут в себе знания о прошлом, содержат в себе определенный исторический колорит, поэтому мы позволили себе изучить способы перевода русских архаизмов на чешский язык на основе классификации, разработанной двумя вышеупомянутыми болгарскими лингвистами. Данная классификация изначально была предназначена для реалий. В общем, перевод архаизмов в данном произведении можно назвать неплохим. Здесь встречались различные способы перевода: с помощью транскрипции: Из *аустерии* – *z austerie*, *Московских стрелцов* – *moskevských strelců*; точного перевода: За воротами *земляного вала* – *Za vraty u hliněného náspu*; контекстуального, например, *тати ночные* – *noční pobertové*, *застава* – *týto* и т.д. Однако встречались и ошибки при переводе данных слов, а именно: в некоторых местах переводчики пропустили слова и не перевели их вообще. Это касается слов *печево*, то есть старое название хлеба, и *сургучный*, который обозначает изделие, произведенное из воска. Но большинство слов было переведено удачно, с сохранением семантики.

На основе всего вышесказанного хочется сказать, что в целом данный перевод мы считаем неплохим и довольно адекватным, с сохранением семантики текста оригинала, и надеемся, что и в дальнейшем современного чешского переводчика будут интересовать современные русские произведения, отображающие реальность российской жизни, которые мастер перевода будет хотеть переводить на чешский язык с удовольствием.

Библиография

1. Акунин Б. Алтын-Толобас. Москва, 2006.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Москва, 2008.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. Москва, 2003.
4. Виноградов В. В. Очерк по истории русского литературного языка. Москва, 1982.
5. Виноградов В. В. История слов. Москва, 1978.
6. Виноградов В. С. Романские языки: общие и лексические вопросы, Москва, 2007.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Москва, 1986.
8. Гарбовский Н. К. Теория перевода. Москва, 2004.
9. Елистратов В. С. Арго и культура // Словарь московского арго. Москва 1994.
10. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Москва, 1994.
11. Курилов А. Д. Новый фразеологический словарь русского языка. Москва, 2009.
12. Мокиенко В. М, Степанова Л. И. Русская фразеология для чехов. Оломоуц, 2008.
13. Мокиенко В. М. Новая русская фразеология. Ополе, 2003.
14. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. Москва, 1978.
15. Мокиенко В. М. Субстандартная фразеология русского языка и некоторые проблемы ее лингвистического изучения.
16. Никитина Т. Г. Словарь молодежного сленга. СПб., 2003.
17. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика, Москва, 1974.
18. Степанова Л. И. К понятию общий жаргон в современном русском языке. In: Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2007). Olomouc, 2008, s. 75-82.
19. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. СПб. 1996.

20. Ярцев В. Н. Большой энциклопедический словарь русского языка. Москва, 1996.
21. Akunin B. Tajemství zlatého Tolobasu. Praha, 2002.
22. Bolinger D. Jazyk jako nabitá zbraň. Praha, 2008.
23. Hugo J. Slovník nespisovné češtiny. Praha, 2006.
24. Stěpanova L. Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc, 2007.
25. Stěpanova L. Česká a ruská frazeologie: Diachronní aspekty. Olomouc, 2004.

Интернет-источники:

1. www.yandex.ru.
2. www.gramota.ru.
3. www.wikipedia.org
4. www.classes.ru

Resumé

Tato práce se zabývá zkoumáním nových jevů v současné ruštině na základě románu Borise Akunina „Tajemství zlatého Tolobasu“ a jeho českého překladu. Je zaměřená na zkoumání těchto jevů, analýzy a jejich porovnání s českým překladem.

Práce je rozdělená na dvě části: teoretickou a praktickou. Teoretická část se zabývá analýzou procesu změn jazykových jednotek v ruštině, které jsou analyzovány v praktické části, a také zdrojů, které je vyvolaly. Tato část je rozdělena do několika kapitol, které se věnují každému jednotlivému jazykovému jevu zvlášť.

Ze začátku byla prozkoumána nová ruská lexikologie, jejíž změny byly vyvolány sociálně politickými přeměnami, které proběhly na konci 80. let v Rusku. Došlo ke změně vlády a politického směru, místo socialismu se ve společnosti objevil kapitalismus. Toto všechno se projevilo v jazyce, který je odrazem veřejnosti, přičemž tento společenský jev, tj. jazyk, začal být velice uvolněný, lidé začali používat takové lexikální jednotky, které nebyly přípustné dříve, například prvky žargonu, argotu, objevil se speciální slang mládeže, která začala čerpat svou slovní zásobu z mluvy narkomanů a vězňů. Zmizel pojem *cenзуra*. Jazyk sdělovacích prostředků se také uvolnil, objevily se v něm různé prvky obecného jazyku, slangu a žargonu. Právě hromadné sdělovací prostředky zpopularizovaly tyto neliterární jazykové jevy a rozšířily je do hromadného používání. Samozřejmě to se nemohlo neodrazit na společnosti, která se začala cítit volněji a nebála se používat různou nestandardní slovní zásobu nejen v soukromí, ale i na veřejných místech. Změnila se mluva politických činitelů státu, kteří se chtěli přiblížit mluvě většiny, začali používat obecnou mluvu a substandardní slova, přestali se připravovat k veřejnému proslovu. Po těch všech procesech přeměny lexiky vědci a zastánci literárního ruského jazyku začali být na poplach proti těmto změnám, ale jak se ukázalo, je to obvyklý proces rozvoje jazyka, ke kterému v jazyce čas od času dochází.

Spolu s přechodem od socialismu ke kapitalismu se objevily také nové jevy, které bylo třeba pojmenovat, například *privatizace*, *divoký kapitalismus*, *podnikatel*. Objevila se nový ekonomický systém a spolu s ním i nové

ekonomické jevy: *marketing, management, leasing* nebo *audit*. Jak je vidět většina těchto slov byla převzata z angličtiny a není se čemu divit, jelikož převzatá anglická slova se používají skoro ve všech sférách společnosti: technické, všední (vliv ve stylu oblečení, jídla) či umění. Používání cizojazyčných prvků se rozdělilo na dvě části: *nutnou a pseudonutnou*. K těm prvním patří ty reálie, které dříve ve společnosti neexistovaly a nemají své ekvivalenty v ruštině, například *hamburger, CD disk*, k druhým patří slova, která lidi používají aby byli „in“, čímž „znečišťují“ svoji slovní zásobu, například *všechno je ok, please, happy end*.

Co se týká slangu mládeže, tak tento jev se odráží ve slovní zásobě především v oblasti hudby, kina nebo knížek. Různé časopisy pro mládež a noviny o hudbě dnes zpestřují svůj styl psaní takovými slovy jako *singl* (dříve hit), *band* (hudební kapela), *oldový* (starý), čímž se nová generace chce odlišit od všední masy a vnést do svého slovníku ironické a cynické jazykové prvky.

Cizojazyčné prvky se objevily i v jiných případech, například ve sféře tabuizování nějakého negativního jevu, třeba *genitálie* (hov. rus. половые органы).

Hlavním důkazem toho, že lexikální prvek vešel do systému cizího jazyka je možnost vytvářet z jeho slovního základu nová slova, například *nuap u nuarouck* (PR a člověk, který se zabývá PR).

Změny proběhly i v tvoření nových slov, které se pravidelně mění, tj. buď se vrací staré typy tvoření slov nebo se objevují nové. K novým tvoření slov patří: neologismy, potenciální slova a okazionalismy.

Neologismy jsou slova, která se objevují v mluvě, pojmenovávají nové jevy a kvůli svému častému použití vstupují do slovní zásoby jazyka.

Potenciální slova jsou slova, která nejsou zafixovaná v jazyce, ale jsou to možná slova, která se objevují kvůli pojmenování nových předmětů, například *lunochod*.

Okazionalizmy jsou individuální autorská slova, která se objevují v jednom konkrétním díle.

Od okamžiku změny celého ruského jazyka se objevily určité změny i v tvorbě slov, jak sémantické tak i gramatické. Došlo k tomu především kvůli rozšíření sémantiky slov, například slovo *челнок* (člunek), což je součástka tkacího stroje, a od něj odvozené přídavné jméno *челночный* začali používat ve smyslu *пřекупник*.

Kromě změn v sémantice se objevily i nové sufixy, například technické sufixy *ник-*, *тор-*, *тел-*, *начальник* – *рубильник*, *холодильник* (vedoucí – nožový spínač, lednička); *последователь* – *обогреватель*, *выключатель* (stoupenec – ohřívač, vypínač). Ve spojení s novou technikou došlo ke vzniku sloves odvozených od podstatných jmen pojmenovávajících tuto techniku, například *пылесос* – *пылесосить* (vysavač – vysávat), *ксерокс* – *отксерить* (xerox – okopírovat).

Objevují se nové názvy a profese, například *рыночник* (účastník trhu), *бюджетник* (student, který studuje bezplatně z peněz státního rozpočtu), *силовик* (představitel silových orgánů, například policista), *платник* (student, který si své studium platí).

Je třeba také zmínit aktuální proces redukování, tj. univerbizace spojení přídavného jména a podstatného jména v jedno slovo pomocí sufixu *-ка*, například *литературная газета* – *литературка* (literární noviny), *оборонная промышленность* – *оборонка* (zbrojní průmysl). Takový proces existoval i dříve, například *овсянка*, *пшеника*, avšak v současnosti začal být víc populární díky tendenci vše v jazyce zkracovat.

Další kapitola teoretické části je věnována frazeologii, která je velmi důležitá pro ortodologii, což je věda o správné mluvě, a také omezuje chyby při překladu ustálených spojení do cizího jazyka. První, kdo vypracoval klasifikaci ruských frazeologizmů byl V.V. Vinogradov, i když první zmínky o ní jsou již v dílech M. Lomonosova, který zapojil *фразесы* do své monografie „Gramatika ruského jazyka“. Se změnou společnosti se mění i jednotky frazeologie, objevují se nová ustálená spojení a vracejí se i některé staré frazeologismy.

Frazeologické neologismy se dělí na sémanticko funkcionální neologismy, tj. takové, které se shodují s významem slov, a stylisticko funkcionální neologismy, které neoznačují nové jevy, spíš mění ty staré. První skupina se tvoří

pomocí přejímání z cizích reálií, například *голубые береты* – *modré barety* (ozbrojené jednotky členských států OSN) nebo *новые русские* – *noví Rusové*, frazeologismus, který se objevil v ruské frazeologii kalkováním anglického slovního spojení *New Russians* a označuje novou třídu lidí, která se objevila v době perestrojky a která si vydělala velké množství peněz pomocí různé nelegální činnosti. Také tyto frazeologické jednotky se tvoří pomocí lexikálních jednotek ruského jazyka. Druhá skupina se tvoří pomocí východoslovanských tradic a jejich strukturně sémantických modelů, například *защита от дырака* – *ochrana před blbcem* (automatické pojistné zařízení, které chrání složitý technický systém před neočekávanými událostmi). Nová frazeologie se do jazyka dostává z hromadných sdělovacích prostředků a také z oblasti veřejného sociálního života (móda, politika, ekonomie, sport).

Hodně nových frazeologismů se objevuje v ruském parlamentu, kde je možné často zaslechnout imitaci „živé“ řeči. Jelikož parlamentní zasedání vysílají v televizi, tyto jazykové jevy se rychle dostávají do obecné mluvy a nedá se s tím nic dělat. K politikům, kteří měli vliv na novou frazeologii, především patří M. Gorbačov a jeho známý frazeologismus *процесс пошел* – *ledy se hnuly*, anebo *возрождение России* – *obrození Ruska*, které použil B. Jelcin ve své předvolební kampani.

Syžet románu Borise Akunina „Tajemství zlatého Tolobasu“ se odehrává ve dvou časových rovinách, v současnosti a v Rusku 17. století. Proto je v této práci zmíněn i jazyk středověku, který ve svém díle spisovatel použil, především archaizmy.

Archaizmy jsou slova, která patří k určité časové době a v současném jazykovém stylu se nepoužívají. Je zajímavé pozorovat, že tyto prvky v dnešní době jsou dnes brány za archaismy, ale v té době se považovaly za neologismy. Hlavním hrdinou staré části byl německý důstojník Korneliuse von Dorn, který přijel do Ruska sloužit carovi, bydlel v Německé osadě, kde bydleli jiní cizinci, kteří byli původem z Německa. V té době v Rusku žili různí žoldnéři a nájemní pracovníci ze západní Evropy, především z Německa, kteří vnesli do ruské kultury nové jevy, předměty a nová slova, například *купца* (špička věže kostela),

фейверк (ohňostroj), *капитан* (kapitán). Tato slova prošla dlouhým procesem adaptace v novém jazyce, než se stala součástí slovní zásoby současné ruštiny.

Poslední jazykový jev, který je analyzován v této práci jsou reálie, tj. slova, která nesou určitou charakteristiku daného prostředí. Od termínů se reálie liší tím, že termíny mají své ekvivalenty v cizím jazyce a člověk se s nimi může setkat v běžném životě, na rozdíl od reálií, které, jak bylo řečeno výše, charakterizují určité prostředí a nemají ekvivalenty. Reálie můžou občas přecházet mezi termíny, jako např. u reálie *ковер-самолет* (létající koberec) a z ní odvozený termín *самолет* (letadlo).

Reálie málokdy patří k prvkům snížené lexiky. Patří spíš k dialektům, proto občas nejsou známé širokému okruhu lidí. Je třeba pamatovat na místní reálie, které vypadají jako prvky spisovné ruštiny, ale mají jiný význam, například na Kavkaze *избушка* znamená místnost, kde skladovali a zpracovávali mléko.

V poslední době se do ruštiny dostává hodně cizojazyčných reálií, které nemají svůj ekvivalent při překladu, jako například názvy jídla, pití či sféry činnosti. Takové reálie je třeba zařadit do reálií v ruském jazyce potřebných a nebránit jejich pronikání, protože takové prvky budou obohacovat slovní zásobu ruštiny a upřesňovat smysl jednotlivých pojmů, například *сервис* a jeho ekvivalent *служба* (úsluha), což upřesňuje, že ne každý *сервис* je *службой* (úsluhou) a naopak.

Reálie jsou spojené s historií, a proto při pohledu na ně je občas snadné určit k jakému historickému období patří. Reálie bývají známé a neznámé, záleží na tom, jak často se používají v hromadných sdělovacích prostředcích. Dají se také rozdělit na cizí a domácí. Domácí jsou známé a není třeba je čtenářům vysvětlovat, například *борщ*, *щи*. Cizí se liší formou, lexikálními a morfologickými svéráznostmi, možnostmi tvoření nových slov atd. Cizí jsou tvořené buď pomocí kalkování, například *ноу-хау* (know how), nebo pomocí transkripce: *бизнес*, *брынза* (podnikání, brynza).

Poslední kapitola teoretické části je věnována teorii překladu obecně a překladu jednotlivých jazykových jevů, které byly prozkoumány výše. Zakladatelem této teorie v ruském jazyce je lingvista A. V. Fedorov se svou monografií „Úvod do teorie překladu“. Právě on označil tuto vědu za

neoddělitelnou součástí lingvistiky, jelikož překlad je zaměřený především na text. Hlavními kategoriemi překladu jsou ekvivalence a adekvátnost.

O *ekvivalenci* mluvíme v případě, kdy nahrazujeme lexikální prvek originálu, ale není to náhrada absolutní, ale relativní. Absolutní náhrada může být jenom při překladu termínů. Překladatel musí mít na paměti, že nemůže měnit nějaká data nebo jména historických činitelů, i když si myslí, že jeho varianta je lepší, protože v takovém případě se změní sémantika celého textu, která nebude odpovídat sémantice originálu.

Adekvátnost je ponětím přiměřeného textu, který nezvětšuje ani nezmenšuje text originálu a který jemu plnohodnotně odpovídá jak ze stránky sémantické tak i ze stránka formální.

Co se týká překladu frazeologismů, je třeba poznamenat, že podle klasifikace jejich překladu, kterou vypracovali lingvisté frazeologové L. Štěpánová a V. Mokienko, se tyto jednotky podle překladu dělí do 5 skupin:

- úplná shoda (полные эквиваленты), tj. takové jednotky, které jsou stejné v obou jazycích, jak ohledně svého lexikálního obsahu, tak i významu. V textu to byly například takové příklady: *прокрасься мимо на ципочках* – *proplížit se kolem po špičkách*, *посадить на хлеб и воду* – *být o chlebě a vodě*;

- částečná shoda (частичные эквиваленты), tj. takové jazykové jednotky, které mají stejnou sémantiku, ale se liší jedním z prvků frazeologizmu, například: *слюни текут* - *sbíhají se sliny*, *пуститься в бега* - *dát se na útěk*;

- relativní shoda (относительные эквиваленты), tj. takové prvky, které mají stejnou sémantiku, ale se liší podoba tohoto frazeologizmu, například: *быть как шелковый* - *být jako beranek*, *идти по миру* – *jít o žebrotě*;

- frazeologické analogy (фразеологические аналоги), tj. takové prvky, které mají různou strukturu, liší se podoba, ale mají stejný význam, například: *ездить зайцем* - *jet načerno*, *худо ли бедно ли* - *volky nevolky*;

- frazeologizmy bez ekvivalence (безэквивалентные фразеологизмы), tj. národní frazeologizmy, které nemají ekvivalenty v jiných jazycích: *лезть на рожон* – *postupovat nebezpečí*, *ленишь горбатого* – *štengrovat*.

Co se týká překladu neologismů tato práce byla zaměřena především na anglicizmy, které se pronikly do ruštiny během posledních dvaceti let ve velkém

množství a tento proces přejímání cizojazyčných prvků do slovní zásoby ruského jazyka ještě není u konce, například: *суперкиллер* – *superzabiják*, *скаут* – *skaut*, *райтер* – *writer*, *хедлайнер* – *headliner*, *таунхаус* – *rodinný domek*, *гольф-клуб* – *golfový klub*, *кейс* – *kufřík*. Jak je vidět ruský jazyk tato slova transkribuje. Čeština se naopak snaží najít svůj vlastní ekvivalent nebo když to není možné, zachovává stejnou formu cizího slova (tzv. transliterace). Pro charakteristiku současnosti Akunin nepoužil jen anglicismy. Kromě toho v knize také použil neologismy, které se objevily kvůli vzniku nových reálií ve společnosti, například: *глянец* – *lesklý žurnál*, *бомжу* – *houmlesáci*. Jak je vidět z těchto příkladů, překladatel neměl problém s jejich překladem do českého jazyka, jelikož stejné reálie existují v jeho domácím prostředí. Bylo by těžší kdyby autor překladu nevěděl, co konkrétně má spisovatel na mysli, což se stalo při překladu jednotlivých prvků žargonu.

Jak bylo uvedeno v teoretické části této práce, od momentu vzniku pojmu *liberalizace společnosti*, došlo k uvolnění ve všech jejích sférách včetně jazyka, a proto se v běžné mluvě objevil například žargon, který před tím nebylo možné v tisku uvidět. V dnešní době se slovní zásoba z oblasti žargonu doplňuje o výrazy ze slangu narkomanů a argotu a používá se velmi často, což je patrné i v knize „Tajemství zlatého Tolobasu“. Tento jev je v románu nejvíc frekventovaný a je vidět, že překladatel měl občas potíže s jeho převedením do češtiny. Klasifikace překladu prvků žargonu je stejná jako klasifikace reálií, protože žargon také charakterizuje určité prostředí. Patří sem:

- přesný překlad žargonu, například: *Милая Наташа, не завалиться ли нам в Челси? Там нынче улетная тусовка.* - *Milá Natašo, co kdybysme si skákli do Chelsea na mejdlo? Je to tam super, такой кипеж был* - *takovej humbuk*;

- přibližný překlad, tj. takový, který zachovává obsah, ale ztrácí kolorit řečeného: *шиться* – *motat kolet*, *немеренно баксов* – *пероčíтанé babek*, *нарыть* – *vupátrat*;

- překlad se zachováním kontextu, pomocí kterého se nepřekládá doslova, ale obrazně, například: *И я мылю в редакцию, шевели мозгами!* - *Já zaskočím do redakce, tady tiše sed' a přemyšlej.*

Vyskytly se i případy špatného překladu, kde překladatel buď nenašel správný ekvivalent nebo ho vynechal úplně. Například při překlad výrazu *Отвечайте за базар* (v žargonu tento výraz znamená nést zodpovědnost za to, co člověk slíbil) překladatel použil doslovný překlad *Оdpovídáte за trh*. Tím nebyla zachována sémantika originálu. K vynechání došlo v tomto případě: *Мы ведь не знаем, до какой степени у них на этой Либерии поехала крыша – похоже совсем соскочили со стропил* - *Nevíme přece, jak dalece a jestli vůbec se na tu Libereu vybodli – možná že jo* (Поехала крыша а соскочить со стропил znamená přijít o rozum). Překladatel to přeložil jako *vybodnout se*, což opět neodpovídá sémantice originálu.

Co se týká archaismů, tak při jejich porovnání s českým překladem jsme postupovali podle klasifikace možnosti překladu reálií podle dvou teoretiků překladu S. Florina a S. Vlachova, kteří je rozdělili na:

- překlad pomocí transkripce: *в таких толобасах* - *v takových tolobasech, из аустерии* - *z austerie*;
- překlad pomocí adaptací, tj. originál a element překladu zní skoro stejně: *230 саженьей* – *230 sáhů*;
- přibližný překlad, tj. takový, který zachovává obsah, ale ztrácí kolorit řečeného: *камзол* – *vesta*, *ботфорта* – *vysoká jezdecká bota*, *плат* – *šatek*;
- překlad se zachováním kontextu: *Разбойный приказ* – *hrdelní soud*, *холоп* – *hromotluk*.

Z teoretické a obzvláště praktické části je možné dojít k závěru, že překlad nebyl špatný, avšak překladatel měl občas potíže s rozeznáváním nových ustálených spojení v originálu. Je také třeba zdůraznit, že v této knize byly nejvíc používány prvky žargonu, což svědčí o tom, že na základě této knihy se dá předpokládat, že je to nejpoužívanější nový jazykový jev, ke kterému v ruštině dochází. Objevují se také nové frazeologizmy s lexikálními jednotkami žargonu, které bude i nadále ovlivňovat slovní zásobu ruského jazyka.

Anotace

Anotace magisterské diplomové práce

Příjmení a jméno autora:	Rybak Olga
Název katedry a fakulty:	Katedra Slavistiky, filozofická fakulta
Název diplomové práce:	Problémy překladu archaizmů a neologismů z ruštiny do češtiny (na materiále románu Borise Akunina Altyn-Tolobas a jeho českého překladu Tajemství zlatého Tolobasu)
Vedoucí diplomové práce	doc. Ludmila Stěpanová, Csc.
Počet znaků:	141 049
Počet příloh:	0
Počet použité literatury:	25
Klíčová slova:	Altyn-Tolobas, frazeologismy, žargon, slovní zásoba, teorie překladu, tendence v jazyce, ruština, čeština, archaizmy.

Tato práce je zaměřená na problémy překladu z ruštiny do češtiny neologismů a archaizmů na materiále románu Borise Kunina Altyn-Tolobas a jeho českého překladu Tajemství zlatého Tolobasu. Práce je rozdělena na dvě části: teoretickou a praktickou. Teoretická část obsahuje charakteristiku současné ruštiny, ruské frazeologie a archaizmů, popisu základních otázek teorii překladu a způsobu přenesení různé lexiky do cizího jazyka, a také zahrnuje životopis autora a stručný výklad díla. V praktické části jsou popsány na konkrétních příkladech způsoby překladu do češtiny archaizmů a neologismů.